Джонатан Келлерман

КРУШЕНИЕ

Бестселлер New York Times

Эти психолог и коп –
самый оригинальный детективный дуэт
со времен Холмса и Ватсона.

ГРАНД МАСТЕР

Алекс Делавэр

Джонатан Келлерман

Крушение

«Эксмо»
2016

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

Келлерман Д.

Крушение / Д. Келлерман — «Эксмо», 2016 — (Алекс Делавэр)

ISBN 978-5-04-101009-6

Джонатан Келлерман – один из самых популярных в мире писателей детективов и триллеров. Свой опыт в области клинической психологии он вложил в более чем 40 романов, каждый из которых становился бестселлером New York Times. Практикующий психотерапевт и профессор клинической педиатрии, он также автор ряда научных статей и трехтомного учебника по психологии. Лауреат многих литературных премий.Несколько лет назад доктор Алекс Делавэр наблюдал маленького сына известной голливудской актрисы. А недавно мертвое тело бывшей звезды сериалов, опустившейся и всеми забытой, было найдено во дворе чужого роскошного особняка. Оказывается, последние годы она бомжевала. Алекс очень переживает за судьбу ее сына. Но мальчик бесследно исчез. Чтобы отыскать его, нужно сперва изучить историю матери. А история эта оказалась запутанным и страшным пазлом…

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-101009-6

© Келлерман Д., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 9
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 20
Глава 6 30
Глава 7 37
Глава 8 46
Глава 9 52
Глава 10 58
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Джонатан Келлерман
Крушение

Jonathan Kellerman
BREAKDOWN

© 2016 by Jonathan Kellerman
© Шабрин А.С., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

«Познания Келлермана в области психологии и его темное воображение – мощная литературная смесь».
Los Angeles Times

Глава 1

Шум был повсюду. И чтобы его избежать, по мнению Тины, нужен был выстрел в голову.

Когда они с Гарри жили на Манхэттене, спозаранку побудкой для них служило скребущее по нервам грохотанье мусоровозов и магазинных фур. Просыпаться и изводиться под их несносную стукотню приходилось Тине; что до Гарри, то ему она шла лишь на пользу: он спал как убитый, а к семи утра ему уже надо было мчаться в метро.

Здесь, в Лос-Анджелесе, среди мнимой безмятежности верхнего Бель-Эйр, по утрам было тихо. Но затем это ощущение сошло: дом местами то вдруг поскрипывал, то постанывал, с хмурой очевидностью давая понять, что базальтовое плато Нью-Йорка они променяли на зыбучие, коварные пески сейсмоопасной зоны.

Гарри, *естественно*, этого фактически не замечал. На нервную же систему Тины эти толчки и подергивания действовали так, будто с каждым таким мелким рывком на ней облезает кожа.

Для него лос-анджелесские вечера были «расслабленными, как все левое побережье»; на ней они, однако, сказывались *сокрушительно*. Она изнывала по фыркающему урчанию ночных автобусов, невнятному гудению людских голосов, неразборчивых из-за этажной отдаленности; по нахрапистой перекличке автомобильных клаксонов. По всему, что хоть как-то напоминало, что за пределами ее личного пространства существуют другие люди. После двух месяцев житья на мягком грязевом хребте, омыкающем Лос-Анджелес, Тине начинало казаться, что тягучее дремливое спокойствие вокруг норовит поглотить и удушить ее, словно трясина.

Это когда ее не изводили поскрипывания и постанывания.

Официально соседи, впрочем, существовали. Вокруг места, сданного им внаем фирмой Гарри («мечта средины века», а в действительности безликий одноэтажный дом) стояли такие же строения. Но хозяева обоих из них отсутствовали из-за своего кочевого образа жизни: редактор новостного агентства уехал на работу в Грецию, а веселая вдовушка укатила в круиз.

Насчет этих деталей Тина была в курсе: риелтор, сдавая жилье, не преминул закинуть, как же им повезло жить здесь одним в мире и покое.

Но покой, как известно, может считаться мирным лишь тогда, когда он без червоточины одиночества и непокоя на душе.

Вечера, когда Гарри работал допоздна, наполняли Тину глухим беспокойством.

Даже когда он оказывался дома к ужину, предстояло еще справляться с временем отхода ко сну, когда над кроватью гасятся бра и Гарри в считаные секунды начинает мирно посапывать. Оставляя Тину лежать на спине в тягостных раздумьях, удастся ли ей в кои веки хоть как-то отдохнуть.

Но дело не только в стонах и скрипах. Тут речь о живности.

Если Тина включала свою машинку белого шума недостаточно громко, то все те вкрадчивые шелесты и мелкие суетливые шорохи в кармашке заднего двора вызывали у нее сухость во рту, мурашки на коже и учащенное сердцебиение.

Если же шум полоскался на излишней громкости, она заплывала в зону мигрени.

Что до Гарри, то он, распластавшись на матрасе их дээспэшного ложа, к стрессам жены оставался совершенно бесчувственен. Пожалуй, мог бы продрыхнуть и Армагеддон.

Расслабон и Взвинтушка.

Так он ее добродушно называл, убеждая, что ночной жар у нее от чрезмерной взвинченности нервной системы. У Тины насчет этого имелись свои соображения, но что толку спорить? Она и так знала, что у нее тонкая конституция, а значит, дело здесь исключительно в силе напряжения.

Прежде уже не раз случалось, что, вскинувшись посреди ночи от того, что в саду теперь-то уж *точно* шарится дикий зверь или маньяк, она тормошила беднягу-мужа с требованием осуществить проверку. Квелый со сна, но с хохотком, тот неизменно подчинялся, однако ничего не находил. В одну из таких ночей, с особого устатку, он сказал, что ей, возможно, следует попробовать медитацию. Или медикаментацию. Реакция Тины на эту мудрость отучила его давать впредь подобные советы.

А потом была *та* ночь, когда глаза от тех звуков – не то щебета, не то кудахтанья – распахнулись даже у Гарри. Раздернув шторы спальни, он изумленно взирал, как возле мелкого бассейна резвится семейство енотов. Мамаша, папаша и трое детишек. Бойко плещутся, вылезают наружу, отряхиваются и спешат повторить процедуру.

Пятеро! Заражают воду микробами бешенства и бог знает чем еще…

Зачарованный этой сценой, Гарри стоял и смотрел, склабясь от уха до уха. Возмущенная Тина, напротив, требовала, чтобы он стучал по стеклу, пока нарушители не пустятся наутек. На это ушло довольно продолжительное время: наглецы-еноты не выказывали боязни и с побегом не торопились, выказывая чванливое упрямство.

Наутро Тина позвонила в службу по контролю за животными, от которой выслушала целую лекцию насчет вторжения человека в ареал обитания животных; получалось, что у енотов как бы тоже существуют неотъемлемые права.

А потому спустя четверо суток, когда из сада вновь донеслись ночные звуки, она стиснула зубы и допустила, чтобы Гарри их безмятежно проспал. Но после того как он ушел на работу, вышла с бдительной проверкой и, помимо смятой растительности, обнаружила на дворе кучку похожих на виноградины катышков. Поиск в Интернете выявил, что это олений помет.

Что ж, кормежка олененка Бэмби звучала как нечто вполне себе безобидное… Ну а если сюда вдруг возьмет и пожалует за олениной пума или, скажем, койот? О боже! Кто вообще знал, что Бель-Эйр скрывает в себе Звериное царство?

С этого дня к своей машине белого шума Тина присовокупила еще и беруши. От этого у нее при пробуждении побаливала челюсть, зато ей теперь казалось, что оптимальный выход наконец-то найден.

Как оказалось, снова ошибочно.

* * *

Это был новый уровень шума, на порядок громче и не в пример жутче стрекотни енотов. Какая-то возбужденная тварь? Или хуже того: во гневе…

Безусловно, там снаружи находится *нечто*; ишь как стучит. А вот теперь протяжно стонет. Как будто удар лапы или когтей по чему-то твердому. Вспышка животной ярости, своей громкостью перекрывающая и машину, и беруши. Как Гарри может при этом не просыпаться?

Тине захотелось набраться смелости и выглянуть самой. Чтобы утром, за завтраком, сообщить ему: мол, не нужно меня больше опекать. Случился прорыв, и я адаптируюсь.

Может, даже начать после этого подыскивать себе работу.

Но не нынче, не в эдакую ночь. Какая околдовывающая своим ужасом симфония… И опять этот стук.

Может, оно ранено? Или, наоборот, пришло наносить раны? Неужто у койотов такие голоса? Кто бы знал… Пальцами ступни она ткнула Гарри. Тот с судорожным всхлипом вздохнул, перевернулся со спины на бок и натянул себе на голову одеяло.

Ну и черт с ним. В самом деле, взять и взглянуть самой…

Постукиванье – тук, тук. Горестный вой, теперь уже высоким голосом. Сердце металось в саднящей груди, но появилась странная целеустремленность. Тина соскочила с кровати, даже

и не пытаясь тихушничать, поскольку втайне надеялась, что Гарри все-таки проснется и придет к ней на выручку.

Но тот лишь перекатился с боку на бок и захрапел еще громче.

Хотя не настолько, чтобы перекрыть те страшные звуки снаружи.

Царап-царап-царап. И как будто что-то там заскользило. А затем… хныканье? Их там что, двое? Хищник и его жертва?

Заранее мертвея от того, что увидит, Тина заставила себя отодвинуть штору и сощурилась.

Последнее оказалось излишним: вон оно, сгорбленное в левом углу сада, во всей своей ужасающей явственности.

Голова книзу, а само с натужным придыханьем роет землю, раскидывая во все стороны земляные комья, траву и листья.

Заметить снаружи Тину оно никак не могло. Но вдруг голова поднялась, а их взгляды сомкнулись.

Зрачки зажглись мутноватыми огоньками безумия – холодящая душу смесь ужаса и ярости.

Оно истошно взвыло.

Дуэтом вместе с ним в вопле зашлась и Тина.

Глава 2

Обычно для получения сообщений психологи и психиатры делают ставку в основном на голосовую почту. Я же предпочитаю сервисную службу: если кто и должен предлагать в помощь страждущим живой человеческий голос, так это именно терапевт.

Тем пасмурным утром, в начале одиннадцатого, на меня вышел оператор связи – кто-то из новеньких, по фамилии Брэдли.

– Доктор Делавэр? У меня на линии Дойл Маслоу.

– Такого не знаю.

– Извините, *такая*. И судя по тону, вас знает *она*. Говорит, что речь идет о кризисе психического здоровья или типа того.

– Этот кризис у нее?

– Не сказала. Что ответить, доктор?

– Соединяйте.

– Как вам угодно.

В трубке возник молодой женский голос с сипотцой:

– Доктор Александер Делавэр? Это Кристин Дойл-Маслоу, специалист по вопросам психического здоровья. Участвую в проекте поведенческой и аффективной реинтеграции и услуг по округу Лос-Анджелес.

Что-то новое… А впрочем, округ прирастает программами, как гидра – головами.

– Честно сказать, я не в курсе… – начал я.

– Неудивительно. Мы на гранте Национального института психического здоровья. Можете зайти на наш сайт LACBAR-I-SP.net, ознакомиться… Собственно, я звоню насчет вашего пациента. Точнее, пациентки. Зельды Чейз.

– Моей пациенткой она не является.

– Ну как же… Судя по записям, доктор Делавэр, пять лет назад она ею была.

– Пять лет назад я проводил оценку ее…

– Сына. Овидия Чейза. Официальное заключение так и не было вынесено.

– Консультацию я проводил по просьбе психиатра мисс Чейз, доктора Луиса Шермана…

– Ныне покойного.

– Я в курсе.

– Два с половиной года назад медицинское досье от Шермана перешло к университетской клинике Рейвенсвуда. В документе вы указаны как терапевт-консультант.

– Она проходила лечение в Рейвенсвуде?

– В то время еще нет. Хотя все это к делу не относится. Важно то, что Шерман свое дело завершил, а вот вы, доктор, нет.

Два с лишним года назад Лу умер от рака. Это придавало ее словам оттенок обличительности.

Я задал вопрос:

– Каких конкретно действий вы от меня ждете?

– Свидания с вашим пациентом. Пару дней назад она все же попала в Рейвенсвуд, по коду «пятьдесят один пятьдесят»[1]. Но ее перевели к нам.

Принудительное удержание до трех суток.

– Причина задержания?

– Незаконное проникновение к кому-то на задний двор.

– Место?

[1] 5150 – полицейский код, обозначающий сбежавшего опасного психбольного.

– Бель-Эйр. Да какая, в сущности, разница?

– Всего за то, что она куда-то забрела, ей припаяли «пятьдесят один пятьдесят»?

– У нее признано острое психическое расстройство, с угрозой безопасности окружающим.

Зачем разъяснять, если можно сменить ярлыки?

– Прискорбно все это слышать, но мой профиль – дети.

– Доктор Делавэр, – произнесла Кристин Дойл-Маслоу так, будто мое имя звучало диагнозом, – пациентка запросила *вас*. Или вам предпочтительней, чтобы я сказала ей о вашей полной незаинтересованности?

– Вы психотерапевт?

– Не поняла?

Я повторил вопрос.

– Какое это имеет отношение к делу? – Она фыркнула.

«Потому что навыков работы с людьми у тебя, черт возьми, ни на понюх».

Вслух я сказал:

– Какую помощь мисс Чейз получает через ваше агентство?

– Мы – не агентство. Мы – исследовательская программа, нацеленная на выяснение и оценку фактов. Сюда входит и полномочие присваивать код «пятьдесят один пятьдесят», потому что он относится к оценочной категории. Как и те, кому его присваивают.

– А выяснение фактов?

– Хорошо, мистер Делавэр. Я сообщу ей, что у вас нет желания…

– Где вы располагаетесь?

– В Уилшире, возле Вестерна. И чем раньше вы приедете, тем лучше. Она не из разряда беспечных туристов.

Глава 3

Полистайте как-нибудь бульварный журнал пятилетней давности – и, возможно, там вам встретится фото Зельды Чейз в сексуальном наряде, экземпляр элитной породы *Actressa gorgeousa*[2].

Ногастая, фигуристая, блондинистая, вся в стиле и глянце, готовно бликующая на камеру своей высокомерно-томной улыбкой, полной осознания своего генетического превосходства.

Проведите с Зельдой Чейз какое-то время – и все это отшелушится эмоциональной перхотью.

Приплюсуйте сюда ранимого ребенка – и откуда ни возьмись начнут усугубляться проблемы.

* * *

Консультациями по опекунству я занимаюсь вот уже сколько лет, и многие судьи мне доверяют, но то предложение работы поступило мне от психиатра Зельды.

С Лу Шерманом мы уже не один год состояли в профессиональном знакомстве – обычно родители в ходе процесса отсылались к нему, а их отпрыски – ко мне. Когда он позвонил мне тем июньским вечером, я ожидал чего-то примерно из той же оперы.

– Здесь все не так однозначно, Алекс, – поведал мне Шерман.

– Как это понимать?

– Дело тонкое. Может, пообедаем вместе?

Офис Лу находился в Энсино, но меня он пригласил в «Муссо и Франк» на Голливудском бульваре – замшелый панегирик голливудской славе, храбро держащийся на плаву среди рифов изменчивого, а местами и опасного миража, именовавшегося когда-то Городом Кино.

Прибыл я, по своему обыкновению, вовремя, застав Лу в угловой кабинке на северном конце большого, украшенного по периметру фресками обеденного зала. Перед ним стоял уже изрядно початый бокал мартини, наверняка лучшего во всем Лос-Анджелесе.

Не награжденный от природы высоким ростом, Лу делал себя крупнее на свой манер: сидел с бесстрастным лицом и прямой, как шомпол, со слегка приподнятым подбородком – то ли заслуга армейской выучки, то ли пережиток непокорности притеснениям на школьном дворе.

Казалось, что центром его круглого бронзоватого лица в лучиках морщин служит монументальный нос. Над лысой в крапинках макушкой венчиком пушились жидкие седые прядки.

Рожденный в Нью-Мексико полуеврей-полуиндеец, из всей своей родни Лу был первым, кто пошел в колледж. Отслужив в морской пехоте, он в тридцать пять лет поступил в Колумбию[3], по окончании которой остался в интернатуре Лэнгли Портера и окончил ее с дипломом психоневролога.

Там же, в заведении Сан-Франциско, интерном числился и я; мы вместе посещали одни и те же семинары, пересекались на разных мероприятиях, перебрасывались шутками. Спустя годы встретились снова, теперь уже в почтенном колледже медицины на другом конце города. Лу состоял там на должности; ну а я, по молодости, подвизался ассистентом. Здесь связь между нами окрепла и углубилась: мы оба прониклись друг к другу уважением за успехи в клинической работе.

---

[2] Шикарная актриса (*искаж. лат.*).

[3] Колумбийский университет.

Для Лу всегда были характерны невозмутимость и спокойная уверенность – черты, исконно необходимые психиатру. Однако, рассказывая мне о Зельде Чейз, он заметно нервничал. Я заказал себе виски «Чивас Ригал» и ждал, когда причина его нервозности разъяснится; может, он озвучит ее сам.

Процедура затянулась до прибытия моего виски и очередного мартини, вслед за которыми на стол церемонно подал салат «Цезарь» престарелый официант.

Наконец, мощно хрустнув гренком и отерев рот салфеткой, Лу сказал:

– Пятилетний мальчик – тебе, психопатка-мать – мне. Кушайте на здоровье.

Для него бокал был третьим по счету; поглядев, он отодвинул его от себя и объявил:

– И, что еще хуже, она – актриса. Не в плане театральности; ее-то она в силу возраста психологически переросла; во всяком случае, я на это надеюсь. А в смысле буквальном: сейчас она играет в телесериале, и за ней стоит студия. Так что на кону весьма и весьма многое.

– Психотик с сохранением дееспособности, – заключил я. – Себя контролирует?

– Как я уже говорил, Алекс: все неоднозначно. Хотя да, пока держит себя в руках. И кто знает, может, в этом бизнесе некоторая эксцентрика даже на руку… Зельда Чейз. Не слышал про такую?

Я повел головой из стороны в сторону.

– Я догадывался, что ты большой любитель ситкомов[4]. У нее сериал, именуется «Субурбия». Уже отснято два сезона и планируется третий, то есть полпути до выхода в прайм-тайм и отбива денег – и больших денег, надо сказать. Для чистоты эксперимента одну серию я все-таки высидел. Суть, если коротко, в следующем: комедия семейного уклада по-голливудски, со швыряниями салата, фриками и нарциссистами; стайка двинутых на всю голову обитает вместе неведомо зачем. Плюс, само собой, извраты, безбашенные питомцы, ну и дубль-трек со смехом – куда же без него. Для моральной поддержки.

– В общем, классика жанра.

– Шекспир от зависти корчится в гробу. – Лу медленно повращал бокал за ножку. – Ты ведь, Алекс, частенько имеешь дело с публикой от шоу-бизнеса? То есть, в твоем случае, с их чадами?

– Скажем так: доводилось.

– Аналогии не напрашиваются?

Я в ответ улыбнулся.

– Изумительная сдержанность, мой юный друг. Ну а я уж лучше сразу нырну вглубь, потому что всего такого понавидался изрядно. У меня ведь страховые договоры со студиями – отдача, кстати, неплохая, – и наличие определенных шаблонов здесь неоспоримо. Приходит к тебе новый пациент и говорит, что пишет или ставит комедию. Сразу можно ставить на то, что перед тобой тип в состоянии депрессии. Иногда присутствует элемент биполярности, но в клоунах обычно преобладает именно депрессивная сторона. Отсюда, сами понимаете, попытки самолечения, а там и пагубная зависимость, да не одна, и бог весть что еще. Если брать так называемых *драматических* исполнителей, то у них как на подбор инфантилизм, мнительность, «мама, полюбуйся на меня», плюс еще размытые личностные границы. Диагностически более причудливый набор кунштюков, но если приходится на что-то ставить, то адресуемся к пунктам оси номер два, а именно к «глубоко укоренившемуся расстройству личности».

Такая грубоватая прямолинейность для Лу была нехарактерна, и мне подумалось, осознает ли он это. Похоже, что да, – судя по тому, как он неожиданно смолк и мрачновато посмотрел на свой бокал.

---

[4] Ситком (ситуативная комедия) – разновидность комедийных телепрограмм с постоянными персонажами и местом действия.

– Меня, наверное, несет, Алекс… Скажу одно: мисс Зельда будет поинтересней. Перепады настроения и задумчивости. Но, несмотря на это, она держится. Уже сорок с лишним серий за плечами.

– Что-то, наверное, изменилось, коли она пришла к тебе.

– Со мной связался ее агент, – пояснил Лу. – Насчет имени и цепочки не пытай: вопрос конфиденциальности. Лучше сразу о конкретике. С неделю назад, на ночь глядя, Зельда очутилась под дверью своего старого бойфренда; учинила дебош, терроризировала его семью… Хотя они не встречались уже несколько лет и у него всё слава богу: жена, детишки…

– Тоже актер?

– Нет. Оператор, с которым она встречалась, когда еще снималась в эпизодах. Ты никогда не занимался детьми вспомогательного персонала – скажем, пиротехников, рабочих сцены, каскадеров?

– Приходилось.

– Эдакие мужественные работяги-мачо. Получают хорошо – чек не на «мерс», но на тройку «Харлеев» уж точно. Вот и этот парень из таких. Я ему звонил: душа-человек; не гений, но вполне себе соль земли. И небольшое ранчо у него в Санленде, с лошадями и собаками. Понятно, что не волкодавы, иначе вряд ли среди ночи наша мисс Зельда перелезла бы через забор и стала ломиться в кухонную дверь с воплями, чтобы он перестал быть трусом и вышел к ней; что она знает о его к ней немеркнущей любви, а значит, пора воссоединиться, и точка.

– И это основание диагностировать психоз?

– Хм… Ты думаешь, я кое-что упустил и всё это – эротомания или иное проявление синдрома сталкера? Если б на этом всё, ты был бы прав. Но, к сожалению, налицо были и характерные клинические телодвижения – покачивание, моргание – с периодами избирательного мутизма[5], за которыми шли такие полеты фантазий, что голова кругом. С навязчивой бредовой идеей, что этот самый бойфренд на протяжении лет пробирался к ней ночами, шпарил в анал с пристрастием, а затем уливал шампанским и предлагал жениться, бросить все и двинуть с ним в Европу. Так что назвать ее сумасшедшей язык у меня вполне поворачивается… Ах да, и еще командные галлюцинации: когда копы брали ее в наручники, она им твердила, что это голос матери велит ей «сделаться наконец-то честной женщиной». Матери, которую она именовала не иначе как «кинозвездой», что тоже явно из области иллюзий. А после этого еще и укусила одного из полицейских за руку.

– Я понимаю, о чем ты, Лу.

– Спасибо. Но что это именно – шизофрения или тяжелая маниакальная фаза, – я до сих пор не понял. Может, даже и то и другое разом: ты же знаешь, какими «пушистыми» могут становиться диагнозы. Тем временем на меня давят, чтобы я подобрал нужный медикаментоз: у нее, видите ли, контракт, и вывести ее так просто нельзя, не сломав сюжетных дуг. Третий сезон, не жук чихнул… А тебя я, собственно, позвал ради ее сынишки. Веришь, нет – ей удавалось растить его одной; кто отец, неизвестно. И надо, как видно, для мальчонки что-то предпринять, пока я провожу оценку его матери и, дай-то бог, подыщу ей нужный коктейль для поднятия серотонина. Отдельный вопрос – сохранение за ней статуса родителя. Если б ты присмотрелся к ребенку и вынес какие-то рекомендации – возможно, поработал с органами опеки, если до этого дойдет, – я был бы безмерно благодарен. За компенсацией дело не постоит. Страховая служба телевизионщиков платит *действительно* не скупясь, и этого же я с гарантией добьюсь и для тебя.

– Договорились.

---

[5] Мутизм – в психиатрии состояние, когда больной не отвечает на вопросы, при этом сохраняя способность разговаривать и понимать речь окружающих.

– Ну вот, собственно. – Шумно вздохнув, Лу развел руками. – Что приятно, с тобой всегда можно сойтись. Я знал, что смогу на тебя положиться… Ну что, еще по одной? Навести, так сказать, лоск на настроение.

* * *

Позднее возле парковки, где на вип-зоне в окружении полосатеньких конусов стоял его белый «Ягуар», Лу подал парковщику двадцатку, а мне сказал:

– Еще раз спасибо, Алекс. Мы – не лекарство, а всего лишь лекари, но, может, что-то доброе у нас и получится. Завтра я позвоню тебе с деталями, а пока еще один интересный нюанс. Настоящее имя у нее не Зельда, а Джейн. Причину смены имени она не называет, но я вот подумываю: а не из увлеченности ли это женой Фрэнсиса Скотта Фицджеральда? О которой ты наверняка и сам знаешь.

– Она сошла с ума.

– О. В точку.

Глава 4

Впервые Зельда предстала передо мной спустя два дня – в уютном, с деревянными панелями кабинете Лу Шермана, где мы с ним в удобных креслах сидели к ней лицом. И у него, и у меня за спиной были десятилетия опыта и взаимодействия, так что выглядеть расслабленными и доброжелательными нам ничего не стоило. Только если она считала нас за трибунал, безумия для этого не требовалось.

Не сказать чтобы Зельда замечала *меня*; пока скудного зрительного контакта она удостаивала исключительно Лу. Глядя на него, как смотрят на отцов подростки при попытке объяснить, откуда на машине вмятина.

– Зельда, – в очередной раз обратился к ней он, – доктор Делавэр – опытный детский психолог…

– Он думает помочь удержать мне Овидия?

– Никто и не сомневается, что он останется у вас.

– Да? – отстраненно спросила Зельда. – Вы знаете…

Лу призывно повернулся ко мне.

– Доктор Шерман попросил меня ознакомиться с Овидием, – пояснил я свое присутствие, – чтобы, если вам насчет него понадобится помощь, я мог бы ее обеспечить.

По-прежнему избегая на меня глядеть, Зельда Чейз сказала:

– У Овидия нет никаких отклонений.

– Уверен в этом. – Лу кивнул. – Но нам нужно задокументировать, что доктор Делавэр будет заниматься Овидием и отчитываться в этом мне.

Зельда Чейз оглядела меня впервые с того момента, как я вошел в кабинет. Под моей улыбкой она невольно моргнула.

– У него… вид у вас приятный, доктор Делавэр… благодарю вас, доктор Лу. Я понимаю, что вспылила с Лоуэллом, но он сам на это напрашивался. Не забывайте, что… Так или иначе, мой ребенок заслуживает, чтобы о нем заботилась родная мать, и так оно и будет, что бы ни случилось.

– Этого мы все и хотим достичь, Зельда. А пока вам, разумеется, нужно держаться с Лоуэллом порознь.

– Да, конечно, это все в прошлом, – сказала она через вздох. – Я – хорошая мать, доктор Лу, вы это знаете. А может быть, и плохая…

Обхватив себя руками, актриса нервно вскинула их и уронила себе на колени.

– Своего мессии я не заслуживаю, – усмехнулась она одной щекой. – Не волнуйтесь, я не об Иисусе. Не такая уж я сумасбродка. Я о своем персональном спасителе. Он спас меня от одиночества.

– Овидий? – уточнил я.

– Ови спас меня, когда сделал мамой. – Лицо у нее мучительно исказилось. – Мамой, но, наверное, не такой хорошей… Ах, как я все испортила!

Лу взял ее ладони в свои.

– Зельда, сейчас не время для негативных мыслей.

– Разве? Ну а когда? Я все безнадежно загубила! Его у меня *отнимут*!

Потекли слезы. Лу нежно погладил ее по плечу и подал салфетку. Эту слитную в своей последовательности процедуру я сам проделывал множество раз.

Не удержавшись на квелой ладони Зельды, газовый лоскуток спорхнул на ковер. Лу поднял салфетку, кинул в мусорное ведро; следом он подал еще одну, на этот раз вдавив пациентке в пальцы, чтобы удержалась. Зельда комком ткани неуклюже промокнула себе глаза. Луи вынул третью по счету и бережно подтер на ее лице оставшиеся слезинки.

Свободная рука Зельды держала его за запястье. Подавленно сгорбившись, она лбом уткнулась ему в предплечье. Волосы текучей волной закрыли лицо. При этом дыхание было медленным и ровным.

– Не дайте им забрать его, доктор Лу.

– Конечно же, нет, Зельда.

Какое-то время он терпеливо сидел, не меняя позы, затем осторожно отстранился. Поместив палец Зельде под подбородок, нежно поднял ей голову, пока их глаза не встретились.

Она позволяла сгибать и разгибать себя, словно пластмассовая кукла. С подбородка свесилась свежая слюнка. В ход пошла салфетка номер четыре.

– Зельда, – сказал Лу, – я хочу, чтобы вы сконцентрировались на поправке, не изводя себя мыслями об Овидии. Потому сюда и приглашен доктор Делавэр. Детского психолога лучше, чем он, не найти во всем городе. Вы же сможете наконец успокоиться и заняться собой, а в итоге вас с Овидием никто не разлучит.

– Как скажете, доктор Лу… Вы ведь всегда правы… Но я все равно буду беспокоиться, вы же меня знаете: я всегда, всегда беспокоюсь. – Снова кривенькая улыбка: – Все-таки у непорочного зачатия есть свои издержки, правда, доктор?

Он цепко посмотрел на нее.

Зельда Чейз с неожиданной развязностью рассмеялась:

– Да забавляюсь я. Прикидываюсь. А вы уж подумали, что я умалишенная или типа того?

Лу натянуто улыбнулся.

– Зельда, я рад, что вы можете шутить, но крайне важно, чтобы вы все это воспринимали всерьез…

– Ой, какие мы тут все серье-о-о-зные…

Актриса с подмигом цокнула языком, а затем вздохнула так, что бюст чуть не вылез из декольте, и пригоршней откинула волосы.

– Хорошо, хорошо, – сказала она, подавляя смешок, – всё, серьёзнею. Уже в норме.

Потом она еще раз прослезилась, приняла салфетку номер пять и уже твердой рукой размашисто вытерлась. Придирчиво изучая ее, насупила брови:

– Грязь. Надо же, как замаралась…

Мы с Лу посмотрели: ткань была абсолютно чистой.

– Грязь, – повторила Зельда. – Вы не видите, но она здесь. Токсичные отходы. Из-за этой гребаной больничной еды я, наверное, вся сочусь ядом… Доктор Лу, знали б вы, как мне там было тошно. Бе-е-е… Как будто с бодунища слезла с ночного авиарейса, а надо еще читать реплики. Поэтому спасибо вот такущее, что меня выручаете.

Она повернулась ко мне:

– Значит, он лучший… А вот *вы*, скажу я вам, просто милашка. Будь Ови девочкой, он бы на вас, наверное, запал.

– Зельда… – чутко повысил голос Лу.

– Да понимаю, понимаю, – отозвалась она, по-прежнему изучая меня взглядом. – В башке у меня всё наперекосяк, но человек я неплохой, а вы пытаетесь мне помочь, и за это я вас люблю, дорогой мой доктор Лу. Но вот этому доктору я хочу сказать… Доктору… как там его?

– Делавэр, Зельда. Как штат.

– Как штат, – безупречно пародируя Лу, повторила она. – Штатный расклад с башкою не в лад… Так вот что я хочу вам *штатно* заявить, доктор Делавэр; прямо-таки *реально* выразить, втиснуть в вас то, что вам просто *необходимо* знать… Имейте в виду: неважно, что собой представляю *я*, но у Овидия с головой всё в порядке, и он абсолютно нормальный мальчик. Вы меня слышите? Уловили?

– Еще как, – ответил я.

– Если даже вы говорите это просто для красного словца, то обязательно будете иметь это в виду, после того как познакомитесь с Ови и скажете: «Вау, какой прекрасный мальчик! Абсолютно собран, сбалансирован и настолько счастлив, что, видимо, проделал огромную работу, а потому обязательно должен остаться при ней, и отнять его никоим образом нельзя, он ее сын, и никто не смеет забирать его к себе – вот вам образчик того, как должна выглядеть психологическая оценка хорошей мамы». Я сейчас вы, слышите, доктор Делавэр?

Она изобразила перелистывание страниц.

– Даже когда пациент Зельда отлучилась выяснить отношения с Лоуэллом, потому что между ними кое-что было и ее в этом обвинили, она заслуживает сострадания и понимания, потому что – послушайте – даже *тогда* она вначале убедилась, что за Ови обеспечен уход на всех уровнях: при нем все время была няня, а он во время отсутствия матери спал. *Вот* почему она задержалась там так поздно – чтобы не будить его, чтобы быть хорошей мамочкой. Вот почему она была вынуждена сделать это, пока Ови спал. И ребенок не был ни брошен, ни оставлен без присмотра, доктор… штат Делавэр, и вы, доктор Лу, тоже это знаете, ведь вы же мудрец, магистр всего подряд, вы же меня понимаете – я не какая-нибудь там тупая или нерадивая. Чарующе странная – да. Причудливая – тоже да. Но не тупая и нерадивая, а любой другой с моим крошкой всяко обращался бы хуже, ведь так? Я вас обоих спрашиваю, – голос взвился до крещендо, – *ведь так*?! Я *ясно* изъясняюсь с медицинской точки зрения?

Лу вздохнул.

– Мы сделаем для вас все возможное, Зельда.

– Мне нужно большее! Мне нужны заверения!

Он снова взял обе ее ладони. Фыркнув, та попыталась вырваться, но Лу держал крепко.

– Послушайте меня, Зельда: себе вы можете помочь только фокусировкой. Это понятно?

Колебание. Медленный кивок.

– Сфокусируйтесь на настоящем моменте, Зельда. Здесь и сейчас. Больше ни на чем.

Она закусила губу. Отвернулась. Лу поместил ей под подбородок палец и нежно повернул ее лицо к себе, принуждая к глазному контакту.

При такой нестабильности жест достаточно рискованный. Но, вероятно, Лу знал о ней что-то не известное мне: различимое теперь лицо было кротким, как у агнца. Можно сказать, безмятежное.

– Хорошо, доктор Лу. Ваша мудрость не знает границ, вы всегда такой, настоящая фигура отца. Мне просто хотелось увериться, что все будет хорошо. Так себя чувствует Коринна, когда я играю ее на площадке. *Я* так за нее чувствую. Ей нужно, чтобы все в мире складывалось благополучно.

Сведя плечи, она опустила голову.

– Мне нужно знать, что в конце нас ждет хеппи-энд.

– На все воля божья, – произнес Лу.

Раньше набожности в нем я, надо сказать, не замечал.

* * *

Вдвоем мы сопроводили ее на стоянку, что позади небольшого офиса Лу на Вентуре, возле Бальбоа. Жест вежливости, хотя на самом деле нам заодно хотелось ее пронаблюдать.

С каждым шагом сбивчивая походка Зельды становилась все уверенней, и вот уже она форменной кинозвездой подошла к черному «Линкольну» (люкс-кар от щедрот продюсеров «Субурбии»), тихо пофыркивающему на местах для инвалидов. С водительского сиденья выскочил шофер в униформе, услужливо распахнул перед Зельдой заднюю дверцу, после чего сел обратно за руль, и «Линкольн» вальяжно тронулся к выезду на шоссе. Между тем заднее стекло приопустилось, и Зельда Чейз на прощание одарила нас воздушным поцелуем.

Когда люкс-кар укатил, Лу удрученно вздохнул.

– И это назначенный пациент, Алекс…

– Давно ты ее лечишь? – полюбопытствовал я.

– Да вот с той поры, как позвонил ее агент. За это время успел снять с нее код «пятьдесят один пятьдесят» и довел связность изложения до получаса.

– Ощущение такое, будто у вас за спиной уже немалая история. Судя по тому, как она себя с тобой ведет.

– Правда? А ты обратил внимание, с какой стоической мудростью психолога я воздерживаюсь от дебатов с ней?

Мы направились обратно в офис.

– Теперь ты понимаешь, с чем я имею дело, дорогой мой Алекс, – сказал Лу. – Непродолжительными периодами общаться с ней можно вполне сносно, и все равно дела идут наперекос, и в когнитивном, и в аффективном смысле. Она упорно отрицает всякое знание об отце, а мужчинам в ее жизни нет места вот уже несколько лет. У меня подозрение, как бы ее псевдопривязанность, приведшая к разрыву с ее бывшим, не спроецировалась на меня. Разница, пожалуй, в том, что я к ней готов, – он улыбнулся, – и профессионально обучен.

– Маг и чародей. – Я усмехнулся. – Вот она на твои чары и запала.

– Запала?.. Мне это нравится. В ординатуре не мешало бы вывесить подобие инструкции: пациентам свойственно невзначай западать. А ты заметил, как она пыталась тебя эдак обаять? Мистер Милашка, всякое такое…

– *Доктор* Милашка.

– Ну а что, – Лу оценивающе прищурился, – ты и вправду недурен собой. Может, у нас тут налицо некое тестирование реальности? – Вынул из ящика стола бутылку скотча и два стакашка. – Составишь мне компанию для прочистки сосудов?

– Спасибо, воздержусь.

– Рановато для приема внутрь? При обычных обстоятельствах я был бы с тобой солидарен. Но уже одно присутствие на этой эпической драме действует на меня иссушающе.

Плеснув в стаканчик, он сделал мелкий глоток.

– Ну что, коллега: есть ли соображения по диагностике?

Я покачал головой.

– А прогнозы?

– Ей уже два года удается стабильно работать в высокострессовом бизнесе. И ребенок для нее действительно важен. Если ей следить за собой и фокусироваться на мыслях о себе… В принципе, не вижу для нее препятствий.

– Верно, – согласился Лу. – Ей будут давать реплики, она будет их озвучивать, играть. Ты слышал, как она имитировала мой голос? Это дар, сомнения нет. Но убери от нее сценарий и разговори на энный промежуток времени, и ее начинает нести, завьюживать. И чем дальше, тем круче пурга. Поэтому, полагаю, мой план лечения будет таков: свести болтовню к минимуму и сосредоточиться на препаратах.

– Мне кажется, характер ее работы тоже в каком-то смысле тому способствует. И даже подразумевает некоторую «отсебятину».

– То есть, в переводе, сумасшедшину. Я вот рекомендую тебе как-нибудь набраться терпения и посмотреть хотя бы одну с ней серию. Ее персонаж – Коринна – эдакая безбашенная неуемная болтушка, которой сценаристы суют в рот всевозможные словесные ляпы. Непонятно даже, было это там до того, как она попала в игровой состав, или уже постепенно обросло их стараниями. Поймали, так сказать, нужный типаж.

Он допил скотч.

– Сейчас моя цель – выстроить по ранжиру ее дефициты. Если главная проблема у нее в шизе, попробую применить халдол[6]. Если дело в настроении, буду добавлять литий, пока маниакальный синдром не уйдет или, во всяком случае, не сгладится до минимума. Посмотрим.

– А она, по-твоему, не взбунтуется против лечебной дозы?

– На литий – не исключено. Ты же знаешь, как оно бывает: многие с этим прибабахом начинают сетовать. Оно их, дескать, тормозит, опресняет жизнь. Все им становится серым, скучным. А в ее лице перед нами возможный маньяк, для которого, кстати, разыгрывать экзальтацию и глупость – профессьон де фуа[7]. В некотором извращенном смысле логика на ее стороне.

Он пристукнул дном стаканчика о столешницу:

– Вижу прямо как наяву: она восстанавливает рассудок, но Коринна из нее уже не получается, и тут мой дом с факелами и вилами обступает камарилья из ее продюсеров, юристов телеканала, всяких там агентов – ату его, ату! Или другое: она не подчиняется указаниям и заблаговременно слетает с катушек, ну а я перестаю получать предложения о работе в своей сфере. Потому, Алекс, буду признателен, если ты посмотришь ее мальчика. Чтобы мне хотя бы этим не заниматься. Даже если б у меня был опыт в этой области, то все равно не было бы времени.

Я поскреб себе щеку.

– А мы как, помещаем его в какое-то другое место, или акцент на том, чтобы помочь ей его у себя оставить?

– Вот ты займись, а потом разберемся.

Ознакомившись с какой-то распечаткой поверх стопки бумаг на столе, он сказал:

– Кстати, один плюс в нашу пользу: в съемочном процессе у них на пару недель затишье, хотя работа со сценариями продолжится. А это значит, что Зельда будет по-прежнему занята, но все же не на полную катушку. И, пока я титрую ее дозу, будет жить отдельно от мальчика.

– Она в курсе?

– В курсе. А еще она знает, что ей нужно следовать указаниям, иначе все развалится. Уговор такой: я ее выравниваю, и как только ты даешь «добро», она возвращается в родное гнездышко.

– Где она останавливается?

– Ну а ты как думаешь? Конечно же, в коттедже отеля «Беверли-Хиллс», под фиктивным именем и заботливым оком медработницы, которой я доверяю. Две тысячи за ночь, но фирма платит. Им нужно, чтобы все было шито-крыто: на кону, сам понимаешь, третий сезон сериала.

– А мальчик, значит, дома?

– С ассистенткой режиссера того же сериала, – Лу сверился с распечаткой, – Карен Галлардо. Это, кстати, твой экземпляр. Тут мои предварительные заметки, адрес, сотовый Галлардо. Все, что нужно для начала, только батарейки, извини, не входят.

Я со смехом взял бумагу, сложил вдвое, и Лу проводил меня к двери, держа в руке наполненный стакан. Не пойму: то ли у него выработалась такая доза, то ли просто это дело его настолько доставало.

– Еще раз тебя благодарю, Алекс.

– Рад помочь, – ответил я. – В чем-то даже интересно.

– В самом деле? – Он прицокнул языком. – Вроде китайского проклятия: «Чтоб ты жил в интересные времена»?

---

[6] Халдол – нейролептик с сильным антипсихотическим действием.

[7] От фр. *profession de foi* – жизненное кредо.

Глава 5

За время, что я провел в офисе Лу, мой старенький «Кадиллак Севилья» припорошило пылью из долины Сан-Фернандо. В надежде, что машину дорогой обдует ветерок, я бульваром Вентуры поехал на восток, но надежды мои не оправдались. Тогда в итальянском ресторанчике – сразу за Сепульведой – я поел пасты, запил ее чаем со льдом, а попутно прочитал заметки Лу.

Как и я, писаниной он себя не перегружал, а потому, помимо уже сказанного им, я ничего нового для себя не открыл; разве что скупые детали задержания Зельды Чейз. Истцы (имена не указаны) свое заявление в полицию отозвали и согласились не давить при условии, что обидчик пройдет курс «консультаций».

В плане правосудия – счастливая развязка. Хотя, по сути своей, те «консультации» – нечто совершенно бессмысленное, опошленное судебными телепроцессами и объемлющее все, от интенсивной психотерапии до бормотаний новоявленного лайф-коучинга.

В данном случае под «консультациями» подразумевалось, что судебная система с радостью спихивает ответственность за недостойное поведение Зельды Чейз на Лу Шермана, доктора медицины.

Лу за работу взялся, но ему хватало и ума и опыта для понимания, что о панацее здесь речи не идет. Потому как даже четко диагностированный психоз для вылечивания – откровенный вызов, поскольку никто толком не знает, что он собой представляет на самом деле. Или каким образом срабатывают антипсихотические препараты, помимо расплывчатого понятия о их воздействии на нейромедиаторы (химикаты мозга вроде серотонина или допамина, обеспечивающие исправность умственной магистрали).

Умножая пазл, многие люди с серьезными расстройствами вовсе не вписываются в ячейки диагностики так гладко, как нас пытаются убеждать гиганты фарминдустрии и их пишущие фантастику штафирки. Если мозг – это Эверест, то наш самолет в Непале еще и не садился.

Так что Лу оставалось лишь пожелать удачи. А тут еще пятилетний ребенок, так или иначе соотносящийся с делом…

* * *

Разобравшись с фузилли[8] и влив в себя пару стаканов чая со льдом, я решил позвонить Карен Галлардо. Позвонил: ни ответа, ни автоответчика. По окончании своей трапезы я вернулся в «Севилью» и на слиянии Ван-Найса с Беверли-Глен взъехал вверх на Малхолланд, быстрый спуск с которого вел к моему дому у подножия западной оконечности Глена.

К трем часам я был уже на месте; залитый солнцем дом встретил меня тишиной. На столе Робин оставила для меня записку – художественная каллиграфия на лоскутке синего стикера:

«Милый, отбыла с Джули на ланч, вернусь ок. 2:30. Би со мной».

Джули – это Джулиетт Чармли, ее школьная подруга, прибывшая на семинар стоматологов возле аэропорта Лос-Анджелеса, а Би – это Бланш, наш белый французский бульдожек. Значит, обедают где-то на площадке, куда разрешен вход с животными, – по всей видимости, кафе на Олд-Топанге, с видом на искристую говорливую речку. Когда мы с Робин наведывались туда последний раз, там учила плавать своих детенышей мамаша-койотиха, и тот из них, что помельче, оскалился на нас по-волчьи.

[8] Фузилли – сорт макаронных изделий спиралевидной формы.

Бланш – создание миролюбивое, на первый взгляд, больше обезьянка, чем волк. Но все равно чувствуется, что собака: постепенно стала узурпировать наш сад у всех живых существ. Интересно было бы поглядеть, как она отреагирует на койотов, если те снова появятся.

Если я прав, ланч у Робин обещает быть насыщенным. Любопытно.

Я подчистил почту, проверил входящие и попробовал еще раз прозвониться к Карен Галлардо.

Десять длинных гудков, без намека на автоответчик. Я уже собирался вешать трубку, когда на том конце неожиданно прорезался молодой запыхавшийся голос:

– Резиденция Чейз!

– Мисс Галлардо?

– Кто звонит?

Я объяснил.

– А, да. Меня предупредили, что вы позвоните.

– Предупредили?

– Извините. В смысле, я ждала вашего звонка. Сэр.

– Обещаю вам, что не кусаюсь, – успокоил я.

– Что?.. Ах да, конечно. Извините. То есть, вы хотите встретиться с Ови? Он до половины четвертого в подготовишке, я за ним туда скоро поеду. Но пока мы доедем домой, он уже может порядком утомиться.

– Как насчет завтра, часа в четыре?

– Прекрасно. Только если до вас далеко ехать, он может устать еще сильнее. Вы где находитесь?

– Давайте лучше в половине пятого, чтобы у Овидия была возможность отдышаться. И к вам приеду я.

– Вы будете осматривать его прямо здесь? – спросила она.

– Так, кажется, удобней всего.

– М-м-м… ну ладно, хорошо. А что мне сказать Ови?

– Сегодня не говорите ничего. А завтра, когда привезете его домой… Он у вас обычно полдничает?

– Здоровое питание, – поспешила сказать Карен Галлардо. – Органический протеиновый батончик и виноград, если он хочет. Или несколько долек апельсина.

– Сначала покормите его, затем усадите, дайте успокоиться и тогда скажите, что с ним заедет поговорить дядя доктор – без уколов и прививок, друг его мамы. Ну а дальше я сам.

– А если он забеспокоится?

– Он легковозбудимый?

– Да вообще-то, нет…

– Если спокойны вы, то и он будет в порядке.

– Ну хорошо…

– Как он ведет себя без мамы?

– Да ничего, – ответила Карен Галлардо, – хорошо ведет. Сегодня, правда, сказал, что немного о ней беспокоится, но не плакал, не капризничал, а я ему сказала, что ей скоро полегчает. Или что-то не так? Я не должна была это говорить? Понимаете, это не совсем мое. Я изучала кино, а не психологию.

– Вы всё говорили правильно, Карен.

– Надеюсь… мне, когда вы будете его смотреть, нужно находиться здесь?

– В доме – да, в комнате – нет.

– Вы какую комнату хотите использовать?

– Давайте мы уточним это по моем приезде.

– То есть мне ничего заранее не готовить?

– Ничего, Карен. Просто будьте там с Овидием.

– Вам указать, как доехать?

У меня было уже помечено: Голливудские Холмы, сверху Сансет, к востоку от Лорел-Кэньон.

– У меня все есть, Карен. Увидимся завтра в половине пятого.

– Мальчик очень славный… Вы хотя бы примерно не знаете, когда вернется домой Зельда? Ови как раз об этом спрашивал.

– Пока точно не знаю. И постараюсь ему как следует все разъяснить.

– Ну хорошо… А вам комната понадобится с диваном или без? Или там с кушеткой?

– Ничего не надо, Карен.

– Еще раз, как вас зовут, сэр?

* * *

Я сидел у себя в кабинете и раздумывал над подходами, которые мне применить к Овидию Чейзу, когда послышался звук открываемой входной двери и голос, который я так люблю, приветливо пропел:

– А вот и мы-ы!

Я вышел в гостиную, где моя милая стройняшка Робин, в облегающих черных джинсах и того же цвета майке, помахала мне, подошла и нежно чмокнула. Бланш тоже подсеменила, положила мне передние лапы на лодыжку и так стояла, глядя при этом на входную дверь и часто дыша. А возле двери молчаливым столбом застыла Джули Чармли – высокая, рыжая и веснушчатая.

При каждой нашей встрече она напускала на себя скрытно-застенчивый вид; сейчас же он был конкретно неприветливым. И отстраненным. Ей явно не хотелось здесь находиться.

– Джули? Рад тебя видеть.

– Аналогично. Ну я, наверное, пойду.

Робин проводила ее, закрыла следом дверь, а когда вернулась, мы с ней вышли в сад и сели на тиковую скамейку напротив японского прудика. Бланш, блаженно растянувшись у наших ног, в считаные секунды забылась сном праведника.

– Ну вот, разводятся, – со вздохом сообщила о подруге Робин. – Пятеро детишек. Брайс требует полную опеку.

– А что случилось?

– Она ему, как выяснилось, изменяла. Да какая, в сущности, разница?

Муж Джули, пародонтолог, в общении со мной всегда держался с прохладцей и дистанцией. Ни он, ни Джули, при всем своем профессионализме, на звание Родителей Года никак не тянули. Пусть даже с пятерыми детьми.

– Смотря как будут судить. Там долгий роман – или так, на одну ночь?

– Два года. Еще с одним дантистом из клиники Брайса. Даже если б тот и проявил отходчивость, Джули сама себя считает недостойной прощения. Я пробовала как-то взбодрить ее, но получалось только хуже, так что я потихоньку заткнулась.

– Забавный обед, – сказал я. – Кафе «Солар»?

– Ты-то откуда знаешь?

– Разрешен вход с животными. Койоты не показывались?

– Да уж лучше б они, – Робин вздохнула, – хоть какое-то отвлечение. Я потому и прихватила с собой Бланш, когда Джули появилась с таким каменным лицом. Думала: пускай у нас в компании хоть один будет улыбаться. Как это называется у психологов?

– Предусмотрительность.

* * *

Назавтра во второй половине дня я подошел к дому, который снимала Зельда Чейз, – глинисто-коричневый оштукатуренный короб, торчащий в полумиле над помпезным «Шато Мармон».

Отель этот известен тем, что стремится потрафить самым прихотливым вкусам знаменитостей. Для этого, наряду с прочим, здесь имеются эстетические изыски вроде искусственных газонов в некоторых номерах. Видимо, из соображений практичности: после гульбища накануне уборщица заходит сюда с садовым шлангом, и все дела.

От бара «Шато» до входной двери Зельды оказалось пять минут пешего хода (мне невольно подумалось, что этот выбор был сделан неспроста). Нужная мне дверь представляла собой облезлый щит из фанеры; неплохо хотя бы подкрасить. Перед входом никакого газона, просто асфальт в паутине трещин. Номерные цифры, и те висят косовато. Выше по узкой подъездной дорожке припаркован «Фольксваген»-«жук».

Н-да, таким жильем читателей «Пипл» и «Вог» не прельстишь. Хотя в этом, собственно, и суть Голливуда: на самом деле его не существует. Разумеется, звезды крупного калибра, которым хватает ума держать и взращивать свой капитал в банках, могут позволить себе жизнь небожителей до самой своей смерти. Ну а личики разрядом поменьше, которым сегодня «катит», – у них успех в карьере длится не дольше экстаза мотылька.

Коричневый короб – это все, чего Зельда Чейз достигла на своем пике. Что же произойдет с женщиной, страдающей серьезным психическим расстройством, когда агент перестанет реагировать на ее звонки?

Что станется с ее сыном?

Лу Шерман сказал, что Овидию пять, но дата его рождения в карте, оказалось, отстоит всего на месяц от шести. Будет ли в метриках зафиксирован день рождения, проведенный с мамой?

Ребенок, открывший дверь на стук, едва смотрелся на пять – возраст выдавала лишь осмысленность в глазах. В одной руке он держал кружку с молоком.

– Вы доктор, который не делает уколов? – спросил он с порога.

Голос слегка в нос, дикция четкая. Закрыть глаза, и можно представить, что перед тобой семи- или восьмилетка.

Моя мысленная камера четко фиксировала детали.

Для своего возраста мелковат, худой, ноги короткие, центр тяжести понижен. Длинные темные волосы почти скрывают лоб и костлявые плечики. Возможно, к его чертам причастен латинос.

На нем была черная майка с логотипом какой-то группы, о которой я слыхом не слыхивал. Оливково-серые пятнистые штаны, шнурки высоких кед ослаблены. Совиные очки в черной оправе пришвартованы к голове оранжевой резинкой. Глаза за линзами темнее, чем у Зельды; почти черные, широкие от любопытства.

– А ты – Овод, – сказал я.

– Не Овод, а Овидий. – Он рассмеялся в ответ, подражая моим словам и моей интонации с той же необычайной точностью, что и его мать. Чего-то еще он у нее поднахватался?

– Алекс Делавэр. – Я протянул свою руку. Тонкие хрупкие пальчики схватили ее, энергично сжали и выпустили. Пятилетний аналог крепкого мужского рукопожатия.

– Точно без уколов? – прищурясь, спросил он.

– Точно.

– Крутоооо.

Мальчик ощутимо расслабился, но с места при этом не сошел.

– Гм, Овидий…

– Я спросил у нее, а что за доктор? А она говорит, какой-то там «лог».

– Психолог.

Овидий губами повторил незнакомое слово, беззвучно усваивая.

– Она говорит, не знает, что это такое.

– Она – это кто?

– Карен. Работает с моей мамой. Вы мою маму знаете?

– Совсем недавно виделись.

– А где?

– В кабинете у ее врача.

– Она была в больнице. Ей скоро будет лучше.

– Можно я войду? – спросил я.

Он посторонился.

– У нее сейчас грусть. Но не из-за меня. А просто так, своя.

Именно так поучают детей сочувственные взрослые. Ребенок произносил это вполне осмысленно.

Я хотел было ответить, но меня отвлек окрик откуда-то из глубины дома:

– Ови, бог ты мой! Сколько раз тебе говорить: не открывай посторонним двери!

– Карен, да это психолог!

Затормозившей за спиной у ребенка женщине было лет под тридцать – ширококостная, с полным бледнотным лицом (сгодилась бы, пожалуй, на роль ирландской буфетчицы в сериале, что мелькают на Пи-би-эс). В остальном же вполне двадцать первый век: фиолетовых волос ровно столько, чтобы собрать сзади в ершистый пучок, в ушах примерно семь колечек, над ноздрей искусственный брюлик, на руках непременные тату.

– Вот, была в ванной, – заполошно выдохнула она. – Сказала ж ему подождать, пока выйду… Ови!

Мальчик пожал плечами.

– Алекс Делавэр, – представился я Карен.

– *Доктор* Алекс Делавэр, – поправил Овидий.

– Уверяю вас, сэр, – никак не унималась Карен Галлардо, – раньше он так никогда не делал! Овидий, пока здесь распоряжаюсь я, надо, чтобы ты меня слушался.

Мальчик хлебнул молока, отчего запачкал подбородок, и, шмыгнув, утерся.

– Ну вот, теперь тебе салфетка нужна, – бдительно заметила Карен.

– Не нужна, – снова используя руку, сказал мальчик. – Он ко мне пришел, разговаривать.

Карен Галлардо поглядела на меня.

По моему кивку она удалилась, а Овидий хозяйски указал:

– Нам туда.

* * *

Через утлую прихожую он провел меня в гостиную, приподнимающую, казалось, дом над окрестными кротовыми кучами. А всё за счет вида.

В местах вроде Тосканы и Санта-Фе, где архитектурная сдержанность увязана со здравым суждением, основанным на традиции, дома и строения органично сливаются со склонами холмов. В Лос-Анджелесе, напротив, посыл состоит единственно в утверждении своей индивидуальности. Панорама за западным окном Зельды Чейз, от пола до потолка, представляла собой сплошное подернутое дымкой нагромождение бассейнов, угнетенных засухой садов и непомерных числом строений на ограниченной площади.

За это зрелище, по всей видимости, еще и накручивалась втрое аренда, несмотря на то что пол здесь устилал дешевый бурый ковролин, потолок был весь в пупырышках, а разномастная мебель – стянута отовсюду.

Несмотря на это, в доме было прибрано и чисто, какая ни на есть мебель расположена с умом, а на ворсе ковра – полоски от свежего прохода пылесосом. Посредине небольшого обеденного стола стояла чаша с яблоками и грушами (судя по бисерным каплям влаги, недавно помытыми). Неужели стараниями горничной? Или, может, Карен Галлардо позвонили со студии и распорядились создать вид? Если так, то Овидий, открывая дверь, сдал свою няню со всем ее враньем насчет отлучки в ванную. Впрочем, не будем строги. Я ведь сюда прибыл не для придирок, а чтобы как можно больше узнать о мальчике.

– Это я все сделал, – сказал он и пристроился на полу возле причудливого строения из многоцветных полупрозрачных плашек и конусов. Что-то вроде постмодернистской версии средневекового замка с множеством башенок, шпилей, пристроек, пропорциональных дверей и окон, а в придачу еще и горизонтальным отростком спереди – видимо, мостом через невидимый ров.

В совокупности это сооружение занимало весь центр комнаты. Среда, отданная под ребенка? Если так, то малыш воспользовался ею как следует.

– Здóрово, – похвалил я.

Мальчик без комментариев потянулся к коробке с неиспользованными плашками, ухватил пригоршню и начал что-то добавлять и убавлять, приостанавливаясь лишь затем, чтобы оценить свою работу.

– Овидий, и в самом деле красиво.

– Да это конструктор на магнитах, – пояснил он. – Тут все легко-прелегко, надо только прилеплять и отлеплять.

В качестве примера мальчик в одном месте отодрал конусовидную крышу и двойной шпиль преобразовал в подобие готической арки.

– Как легко ты справляешься, – заметил я.

Еще одно пожатие плеч, чтобы сдержать улыбку, но наконец уголки губ у него приподнялись.

– Ты много времени проводишь за этим строительством? – спросил я его.

– А мне только это и нравится, – ответил Овидий. – Ну еще поесть…

Снова смешок, похожий на фырканье; как будто ему необходимо высвободить некий внутренний жар. Вот он пригасил его и посерьезнел.

Сдержанный ребенок… Глядя за его занятием, я вбирал все больше деталей: одежду без единого пятнышка, чистые ногти. Шнурки на кедах, и те подвязаны. С одинаковой аккуратностью.

Может, это Карен Галлардо так его вышколила за пару дней? Хотя нутро подсказывало, что он привык ухаживать за собой самостоятельно. На уровне инстинкта.

За работой Овидий начал вполголоса напевать; все неспешно, обдуманно, взвешенно.

Психически неорганизованная мамаша, а ребенок застегнут на все пуговицы?

– Овидий, ты тут сказал про еду… А какая еда тебе нравится?

– Такос, буррито. Фо.

– То есть мексиканская и вьетнамская?

– Какая-какая?

– Суп фо, он из Вьетнама.

– А я и не знаю, откуда… Нам готовое привозят. Мне больше всех нравится.

– Фо?

– Нет. То, что привозят. Оно как… вот оно р-раз, и ты его уже ешь.

В тот момент, что он тянулся за очередными плашками, между губ у него высунулся кончик языка.

– Амбар, – сам себе вполголоса сказал он. – Для животных. Будто там животные.

– А какие? – поинтересовался я.

Он насупленно посмотрел снизу вверх.

– А вам какие нравятся?

– Мне? Собаки нравятся.

– Ха. Собаки-то в амбарах не живут.

– Верно подметил, – улыбнулся я. – Тогда как насчет лошадей?

– А может, лучше верблюд? Он харкается. Плохо себя ведет. – Овидий медленно расплылся в улыбке: – Если харкается, значит, его надо держать в амбаре.

Следующие полчаса я сидел, а он все строил. Изумительная концентрация внимания, с растущей потребностью к порядку и деталям. А еще сложности.

Из коробки он вынул все неиспользованные плашки, разложив их на три соразмерные кучки. Наконец, пустив в ход все, задал вопрос:

– Как теперь быть: сломать или просто перестать?

– Решай сам, Овидий.

– Так она мне говорит.

– Карен?

– Мама. Разрешает мне делать, что я хочу, если только я ее слушаюсь.

– Слушаешься в чем?

– Ну-у, – он начал загибать себе пальчики, – чищу зубы, не балуюсь с зубным эликсиром, принимаю ванну, хожу в подготовишку, не делаю проблем.

– Тебе нравится в подготовишке?

– Ну так, ничего. Только я там все уже знаю. Ну почти.

– Молодец. Готов пойти в первый класс?

– Ну да. Наверное.

– Точно не знаешь насчет первого класса?

– Да я там, наверное, тоже все знаю.

– Значит, в школе тебе скучно?

– Да почему. А мама когда домой вернется?

– Пока не знаю, Овидий.

– А узнаешь?

– Как только она будет готова, ее доктор обязательно мне об этом скажет, а я сразу тебе.

– Как его звать?

– Доктора? Шерман. Доктор Шерман.

– Он ставит уколы?

– Да вообще-то, нет.

– Ну хоть иногда?

– Редко. Не думаю, что твоей маме будут ставить уколы.

– А тогда что?

– Ну, может, таблетки.

– Чтобы она стала счастливая?

– Чтобы она в целом чувствовала себя лучше.

– Она обо мне заботится.

– Я знаю.

– А как?

– Когда мы с ней познакомились, по ней сразу было видно, что она тебя любит и о тебе заботится.

Повернувшись к своему сооружению, Овидий сдвинул крышу, смел одну башню. А затем, помедлив, проломил всю середину.

– Ну вот, – объявил он. – Теперь начинать сначала.

* * *

Из пяти дней, что Зельда Чейз жила в отеле на Беверли-Хиллс, я ежесуточно наведывался к ее сыну. На четвертый день Овидий выглядел усталым. Лишь после полутора часов работы с конструктором он признался, что скучает по маме и «очень, очень готов, чтобы она вернулась». Я вышел наружу, набрал Лу Шермана и сообщил, что результатами осмотра доволен, так что если Зельда в состоянии…

На что он оживленно сказал:

– Представляешь, завтра-послезавтра я сам думал тебе звонить. Халдол дает хорошие результаты. Четкого диагноза у меня все еще нет, но умеренная доза действует на нее благотворно. Если у тебя есть время, то можно обсудить планирование выписки… да хоть завтра, за ужином, часов в девять. А? Сможешь подтянуться в Сан-Фернандо? Жена у меня в отъезде, а студия все еще платит по счетам, так что подыщем местечко посолидней.

– Мысль хорошая. Тогда я скажу Овидию, что через денек-другой его мама вернется домой?

– Ну если не будет каких-нибудь резких перемен… Да, конечно, скажи. Если что, я убавлю дозу или подыщу что-нибудь другое. Нет смысла разлучать их, если он, по-твоему, в порядке; ну а она на свое чадо надышаться не может. Как у него вообще дела?

– Оптимально, – ответил я. – Сообразительный, собранный мальчик, с хорошими внутренними ресурсами.

– Что ж, это обнадеживает. А что за ресурсы?

– Склонен к художественному творчеству, уравновешен, хорошая концентрация внимания… Впрочем, давай-ка я тебя лучше за ужином проинформирую, если ты хорошенько раскошелишься.

– Ресурсы, говоришь? – Он рассмеялся. – Они еще ох как понадобятся…

* * *

На пятый день я сообщил Овидию приятное известие.

– Хорошо, – невозмутимо сказал тот и продолжил свое строительство.

И лишь затем улыбнулся и начал работать быстрее. Через несколько минут встал и обогнул свой новейший шедевр – нечто, по виду ничуть не хуже дипломной работы Фрэнка Гери[9].

Дойдя до меня, он сунул для пожатия ладошку:

– Поздравляю.

– С чем?

– Вы были здесь, когда я сделал свое самое лучшее здание.

* * *

Договоренность была завершена за ужином в «Бистро Гарден». Я буду привлекаться по мере необходимости, а Лу продолжит лечение Зельды, регулируя ее курс антипсихотических препаратов с постепенным включением сеансов психотерапии.

[9] Фрэнк Гери (р. 1928) – один из крупнейших архитекторов современности.

– Может, разговоры что-нибудь привнесут; честно сказать, Алекс, я о ней ничего так и не узнал. Даже первичную структуру ее семьи. Она упоминает единственно, что ее мать бесследно пропала и, вероятно, мертва. А затем умолкает или меняет тему разговора. Это адекватно? Да кто его знает… Главное, что хоть не слетает с катушек и не дебоширит.

Прояснились и планы по догляду за Овидием: Карен Галлардо, у которой при мне был всегда измочаленный вид, вернется на свою студию, а Лу через рекомендованное мною агентство организует сиделку с опытом ухода за детьми, которая будет находиться дома в часы работы Зельды. Если есть деньги на оплату, можно и ночного сменщика, который бы оставался на ночь.

– На случай, если ее опять куда-нибудь занесет? Имеет смысл. Я обеспечу, чтобы на это тоже выделили сумму. Стимулов тьма: третий сезон уже вот-вот начнет сниматься. Совсем скоро. Ты из любопытства хоть одну серию глянул?

– Да пока нет.

– Умён. Хитришь, отлыниваешь за слушанием Баха, «Дорз» или чего там еще… А вот и твой чек. – Он подал мне конверт. – Взгляни, чтобы не было вопросов.

Я поглядел: вдвое больше, чем я ожидал.

– Лу, тут даже более чем.

– Вот и держи, далай-лама. Студия считает, что у нас сделка. К тому же ты это заслужил. Мы с тобой. Ну а я, если что, буду на связи, как ты и просил.

Вообще-то просил не я, а он. А я лишь говорил, что буду доступен, если ситуация как-то поменяется. Но на данный момент Овидий ни в каком лечении не нуждался, оказавшись на поверку ярким, талантливым и легко адаптирующимся. Учитель подготовительной группы охарактеризовал его как «редкостно смышленого, особенно в том, что касается строительных дел. Есть у него, правда, склонность играть наедине с собой, но у талантов такое бывает».

Что примечательно: в конце пятого сеанса, за несколько часов до возвращения его матери, я спросил, нужно ли ему, чтобы я пришел к нему еще раз. В ответ Овидий пошерудил свои плашки, отстранился от меня подальше и сказал:

– Вы не делали мне уколов и давали делать то, что я хочу.

– Ну так мы договаривались.

– Теперь я вам верю. – Он перевел взгляд вниз, на плашки. – А теперь можно я буду строить? Со мной всё в порядке.

Более грациозной отставки я еще не получал.

– Договорились, Овидий, – сказал я ему. – Но если я когда-нибудь понадоблюсь тебе, то могу прийти.

– Мне – нет, – рассеянно сказал он. – Может, к маме когда придете… Если будете ей нужны.

– Ты думаешь, она все-таки может меня позвать?

В ответ – пожатие плеч.

– Иногда ей бывают нужны люди.

Приступая к работе над башней, самой высокой из построенных до сих пор, Овидий произнес:

– Люди, они как бы ничего, но я в них не *нуждаюсь*.

*** * ***

Больше Лу мне никогда не перезванивал. Ни насчет Овидия, ни насчет Зельды, ни по каким другим пациентам. У меня даже закралась мысль: может, то дело как-то повлияло на наши отношения? Или ему просто перестал быть нужен детский психолог. А может, он ушел на пенсию?

Спустя месяц-полтора, все еще любопытствуя насчет состояния Зельды, я набрал ее в «Гугле» и выяснил, что сериал «Субурбия» в начале третьего сезона приказал долго жить. Труппа артистов распалась, кое-кто канул в безвестность.

И лаконичный коммент Зельды: «Это случилось».

Я продолжил поиск, но о продолжении ее актерского ремесла ничего не нашел. Впрочем, как и сведений о ее финале как личности.

Впасть в безвестность: извечный кошмар для актера. Как может с этим справляться такая ломкая натура, как Зельда?

Мою голову осаждали мысли одна хуже другой, и я отметал их как мог. В конце концов, она лечилась у Лу, а не у меня; остается надеяться, что его курс как-то ее выровнял.

Лучший из вообразимых раскладов: его психотерапия все же пошла ей на пользу и он поставил ее на ноги настолько прочно, что разочарование не может ее повалить.

Если б какая-то проблема возникла у Овидия, он дал бы мне знать. На этом и успокоимся.

Вскоре после этого стартовал бракоразводный процесс у супругов Чармли, которые взялись дербанить друг друга на части. Оба – и Джули, и Брайс – делали мне предложения с целью заполучить меня свидетелем в суде на своей стороне. Я со всей возможной тактичностью отказал. Результатом стало ледяное молчание со стороны обоих, а Робин никогда больше не слышала от Джули ни ответа ни привета; мы даже как-то раз из-за этого повздорили.

Вот вам и скромные радости бесчеловечных отношений.

Между тем после оценки Овидия Чейза прошло два с половиной года. И однажды, за беглым просмотром бюллетеня нашего медицинского факультета, я вдруг наткнулся на некролог Лу Шермана. В семьдесят три года, после продолжительной болезни (вот она, причина обрыва нашей профессиональной связи), вдова по имени Морин, детей нет, похоронной церемонии тоже, вместо цветов – пожертвования в фонд борьбы с раком.

Я позвонил с соболезнованиями на его домашний номер, надеясь, что абсолютно не знакомая мне женщина не сочтет меня навязчивым.

Автомат сообщил, что данный номер не обслуживается. Видно, не судьба. После этого я попытался забыть Лу, хотя про Овидия мне время от времени вспоминалось. Умненький, слегка замкнутый мальчик, эксперт-самоучка по строительству своего собственного мира. Может, и цельный как раз из-за того, что его мать была на грани распада.

Или же это все психологические бредни, а мальчугану просто нравилось возиться с конструктором…

В конце концов и он выпал из моей памяти. Пять лет без новостей – само по себе хорошая новость.

И тут все в одночасье переменилось.

Глава 6

Резиденция «ЛАКБАРа» напоминала ровно то, чем это строение было раньше, – комиссионка в спальном районе убогого пригорода.

Фасад состоял преимущественно из закрашенных окон – не очень разумно для заведения с психически больными людьми в этой разномастной округе. Знак у входа предупреждал, что здесь ведется круглосуточное видеонаблюдение, хотя камера явно отсутствовала. Еще одним курьезом была закрытая, но крайне хлипкая дверь со звонком.

Мне открыли без всякой проверки, и я вошел в пустой вестибюль с еще одним окном, за которым находилась регистратура. Это окно было не закрашено, а лишь припорошено пылью, и за ним виднелась согнутая над клавиатурой компьютера пожилая женщина. Слева от нее находилась дверь с надписью «Вход запрещен». Мое появление женщина заметила, но от работы не отвлекалась.

Я постучал по стеклу, и она отодвинула окошечко.

– Доктор Делавэр, – представился я, – к Зельде Чейз.

Задвинув окошечко, она взялась за телефонную трубку, а затем снова занялась печатанием.

Через какое-то время в регистратуре появилась тощая молодая брюнетка в белом халате и стала о чем-то говорить с регистраторшей.

Вновь прибывшая отличалась короткой стрижкой под машинку и челкой бронзового цвета. Халат был ей велик и обвисал мешком поверх майки и джинсов. Эту особу я видел впервые, но уже знал и имел о ней подробное представление, так как она любила внимание, а ее персональные данные были разосланы по всему киберпространству.

К своим двадцати пяти годам Кристин Дойл-Маслоу успела окончить Вассарский балакавриат в области городских исследований. Единственный ребенок отца, практикующего гештальт-терапию в Ньютоне, штат Массачусетс; мать живет в Бруклайне и преподает биопсихиатрию в университете Тафтса. Любительница экологически чистых коктейлей. Список любимых групп «открывает новые горизонты в неизвестности». Любит эфиопскую кухню, в частности «леф с тыквой»; придерживается убеждения, что государственная политика – это «контактный спорт». Последние пару лет стажируется в Управлении городского развития, занимаясь «разработкой и внедрением позиционных документов по связям с общественностью». Опыт в области психологии или какой-либо другой области психического здоровья отсутствует.

Продолжая разговаривать с печатающей регистраторшей, она повернулась и окинула меня взглядом. Молодая, но уже с отяжеленным, зажатым лицом, которое быстро старится. Не помогают и очки в металлической оправе а-ля «конторские служащие пятидесятых».

Просмотрев несколько распечаток на столе регистратуры, через белую дверь она наконец вышла в вестибюль. Под белым халатом на майке проглядывала зеленая надпись *«ЛАКБАР – Служим обществу со стилем»* (ну а как же иначе).

К груди был пришпилен непомерно большой бэйдж со всей предназначенной миру информацией, но тем не менее она представилась голосом, соперничающим в звучности с тромбоном:

– Кристин Дойл-Маслоу.

– Очень приятно, – отреагировал я. – Как она там?

– Под словом «она» вы имеете в виду мисс Чейз?

Подавив в себе соблазн ответить что-нибудь вроде «нет, Марлен Дитрих» или «нет, Мэрилин Монро», я ответил:

– Да, ее.

– Особых проблем не возникало.

Веским, демонстративным жестом она извлекла связку ключей, отперла белую дверь и впорхнула в нее, оставляя мне ловить рукой дверное полотно.

Следом за Дойл-Маслоу я прошел в сквозистое безлюдное пространство, разделенное на кабинки, но без всякой мебели или офисного оборудования. В нос шибал запах свежей краски. На задах помещения обнаружилась еще одна белая дверь с табличкой «Посторонним вход запрещен».

– Ваш проект начался недавно? – поинтересовался я.

– Сейчас мы на стадии разработки.

– Но вместе с тем у вас есть стационар?

Дойл-Маслоу остановилась, поправляя очки.

– На данный момент там всего один пациент. Ваш, – бросила она и продолжила свое шествие.

– Постойте, – окликнул я, стараясь говорить спокойно, но тайные пружины противодействия все равно сказались на громкости и жесткости тона.

Плечи Кристин Дойл-Маслоу на ходу вздрогнули, хотя сам ход не сбавился.

– Мне нужно объяснение, что здесь происходит. И немедленно, – припечатал я.

Она остановилась ко мне вполоборота.

– Вы же психолог. Значит, объяснять – это ваша работа.

– Ну а ваша, извините, в чем?

– Я исполнительный директор «ЛАКБАРа»…

– Это *что*?

– Концепты и организация.

Челюсть у нее выпятилась, но твердости в голосе убыло, а глаза за стеклышками очков беспокойно ерзнули.

– Тогда потрудитесь объяснить, каким образом у вас оказывается человек под грифом «пятьдесят один пятьдесят», а вокруг словно болото. Ничего не делается.

– Не вижу, как это соотносится. У нее обострение, она спрашивала вас, и я связалась.

– С кем?

– Я же говорила. Больница Рейвенсвудского университета. Нетворкинг с местными юр- и физлицами, осуществляющими уход, – один из наших основных рабочих постулатов.

– Ее что, судебным решением перекинули к вам?

– Нас сочли идеальными для данной ситуации.

Я оглядел триста квадратных метров пустующего пространства.

– Я здесь потому, что пять лет назад проводил оценку сына Зельды Чейз, и меня волнует, всё ли с ним в порядке. Где сейчас Овидий?

– Понятия не имею. Единственное о нем упоминание – имя в справке Шермана о переводе.

– Что он указывал про мальчика?

– Только то, что он существует. Ну что, теперь мы можем…

– Мне нужна копия.

– Там в основном даты… Начало проведения, окончание. У *вас*, кстати, окончания не было.

В ее устах это прозвучало как тяжкое преступление.

– Все равно, мне нужен экземпляр.

– У меня его нет. Всё в электронном виде на сайте головной организации.

– Это где?

– В Бостоне.

– Значит, можно легко найти.

– Можно, – согласилась она, – только там ничего нет.

– Ну а ваш экземпляр справки из Рейвенсвуда?

– Она нам не нужна: ее там не лечили, а просто *приняли*. И вообще, в дальнейшем не вижу смысла в…

– С того времени, как мисс Чейз поступила сюда, она ни разу не упоминала про Овидия?

– Да она вообще не разговаривала.

– Вы же сказали, что она спрашивала меня.

– В Рейвенсвуде, – Кристин отмахнулась. – И вообще, при чем здесь я? Ну так что, мы можем приступать?

– Когда я сориентируюсь. Я, кстати, до сих пор не понимаю, зачем ее прислали сюда, когда вы – всего лишь сетевая структура.

– Ничего мы не сетевая. Мы – полностью самостоятельная, полномочная организация.

– Меня это почему-то не убеждает.

– Мы полностью квалифицированы и уполномочены федеральным правительством и сотрудничающими местными органами на то, чтобы предлагать комплексные услуги в области психического здоровья. И будем добиваться своих целей, если что-то в этом городе потребует улучшений в данной области.

Бледные веки дрогнули. А с ними и бледные руки.

«Добро пожаловать в Эл-Эй».

– Бюрократия у вас на уровне? – как бы невзначай осведомился я.

– Худшее из зол, – ответила она без тени иронии.

– Сочувствую. В Википедии сказано, что вы сейчас на втором году трехгодичного гранта, то есть начинаете ощущать давление со стороны Национального института здоровья. Ваш мандат затрагивает в основном амбулаторных больных, но для этого вам нужно развить «сеть направлений внутри сообщества», а этого пока не произошло: впечатление такое, что город пытается осложнить вам жизнь. Но не чувствуйте себя ущемленными: нынче в Лос-Анджелесе все, кто пытается начать бизнес, проходят через это.

– Мы – не бизнес, мы…

– Без разницы. Дайте-ка я угадаю: вы арендовали это помещение как раз для того, чтобы привлечь к себе внимание строительного отдела, отдела зонирования, целого списка специальных общественных советов и комитетов, оценщика, плюс с вами наверняка активно взаимодействует департамент здравоохранения. Ну а в какой-то момент вам, с вашим профилем, придется организовывать питание для своего персонала и пациентов, а значит, предстоит пройти регистрацию как учреждение, связанное с общепитом, и сейчас вас прогоняют через все эти бюрократические препоны. Как вы, кстати, пока решаете этот вопрос? Берете еду навынос?

– Навынос, но высокого качества, – не преминула акцентировать Дойл-Маслоу. – Ладно. Могу ли я…

– Из-за волокиты вы вынуждены довольствоваться «краткосрочными кризисными госпитализациями», а лучший способ обеспечить их – это принимать не столь прибыльных «пятьдесят первых», освобождая местных врачей-практиков, нужных вам как источники получения направлений, от малоприятной возни с буйными.

«А при всей конкуренции за денежки министерских фондов, если вы не сдюжите к тому времени, как федералы нагрянут к вам с проверкой, ты лишишься своей титулованной работы, схваченной благодаря связям твоей матери с местным конгрессменом. Который и спроворил тебе должность в службе городского развития. Вуаля».

Кристин Дойл-Маслоу перешла в контрнаступление:

– Если вы отказываетесь в оказании услуги, давайте закончим с этим прямо здесь и сейчас.

– Почему же. Услугу я оказывать буду. Ведите.

Смерив меня подозрительным взглядом, она тронулась дальше.

– А как зовут доктора, который направил ее к вам? – поинтересовался я.

– Неру.

Я оторопело посмотрел.

– Ну *что* еще? – нетерпеливо воскликнула она.

Ладно, хватит пытать их еще и на предмет мировой истории.

– Спасибо за информацию, Кристин.

* * *

Зона ограниченного доступа была широкой, не мелкой и подразделялась на сестринский пост и стационарные палаты «А», «В» и «С» – каждая заперта на засов, а в двери глазок с миниатюрной заслонкой. Я прислушался, пытаясь по звуку определить, в которой из них содержится Зельда.

Всюду тишина.

Сестринская смотрелась скорее по-домашнему, чем по-больничному: на месте стойки деревянная столешница, возле журнального столика пара стульев с обивкой, а еще черный диванчик на пузатеньких ножках, еще обернутых магазинной пленкой. Правую стену занимал белый металлический стеллаж с красным крестом по центру. Слева за пустующим столом читал книжку мужчина в белой униформе. На его легкий взмах рукой я тоже ответил взмахом, а Кристин Дойл-Маслоу – нет.

– Вот и доктор, – сказала она. – Наконец-то соизволил прибыть.

Санитар встал и подошел к нам. Вид неброский: лет тридцать пять, лысоватый, с усиками. Бэйдж вдвое меньше того, что у Дойл-Маслоу, но информация на нем правдивая.

«Кевин Брахт, дипломированный медбрат».

Мы обменялись именами и рукопожатием.

– Рады вас видеть, док, – сказал Брахт. – Она сейчас спит. В основном только этим и занимается. – Он поглядел на дверь «А».

Кристин Дойл-Маслоу засобиралась уходить, попутно инструктируя:

– Выставление счета обсудите с Иветтой, на выходе. Вашу пациентку выпустят завтра утром. Оплата вам поступит в течение шестидесяти дней. Если понадобится продлить код «пятьдесят один пятьдесят», то здесь этого сделать не получится.

– Почему?

– Лимит наших полномочий.

– Она находится здесь уже два из трех отведенных дней?

– Полтора. Наш срок удержания – сорок восемь часов, а не семьдесят два.

– Вот как?

– Всего семьдесят два, но этот срок она уже частично отбыла в Рейвенсвуде, так что на удержание нам отводится всего двое суток, а там уже переход к комплексным амбулаторным услугам.

«*Оказывать которые ты не обязана. Спасибо, Джозеф Хеллер*»[10].

Кевин Брахт вежливо возвел брови.

– Нет проблем, Кристин, – сказал я. – Теперь делом займемся уже мы с мистером Брахтом.

Тишину разбила грохнувшая дверь.

– «Мистер Брахт» – это уже лишнее, – со смехом сказал медбрат. – Лучше просто Кевин. Ну вот, теперь вам посчастливилось составить знакомство с нашей Цаплей.

[10] Джозеф Хеллер (1923–1999) – американский прозаик, автор сатирического романа «Уловка-22».

– Работать с ней, должно быть, сплошное удовольствие.

– Почти такое же, как иметь занозу в глазу. Как только мисс Чейз выйдет, я уйду сразу следом.

– Так быстро все бросите?

– А я и не нанимался. Для меня это временная сделка. Агентство перед трудоустройством ничего толком не разъяснило.

– Вы – фрилансер?

– Я – парень, которому нужна подработка. Три дня в неделю работаю в доме прикладного поведенческого анализа для взрослых аутистов. Недавно купили с женой дом, так что приходится суетиться сверхурочно. В основном сижу со стариками, за которыми нужен догляд по выходным, когда их обычные сидельцы уезжают. Дежурю также где по домам, где по хосписам.

– Непросто. Но всё лучше, чем здесь, – заметил я.

– Со смертью, док, я ладить могу. Это нормально, ожидаемо. А вот здесь, наоборот, сидишь как на вулкане. В психиатрии – да и во всем прочем, если на то пошло – наша Цапля ни ухом ни рылом. И вот как только до меня дошло, что случись какой-нибудь острый кризис, то я здесь окажусь наедине с собой, меня словно током прошибло. Врача-то я вызвать смогу, но что толку? В таких случаях все происходит моментально, и не хватало мне еще, не дай бог, оказаться в такой ситуации крайним.

Он снова указал на дверь «А».

– Пока проблем, тьфу-тьфу-тьфу, не возникало, только я все равно то и дело проверяю, как бы она ничего с собой не учудила. На ней та же одежда, в которой она к нам поступила, только обувь я у нее забрал подальше: тут вон гвозди в каблуках.

Из ящика стола Брахт извлек пару туфель – когда-то черных, теперь грязно-серых.

– Одно хорошо: палата для припадочных оборудована с умом. Так просто там ни обо что не ушибешься. Хотя…

– Спасибо, что пытаетесь держать ее в безопасности.

Улыбка возвратилась на его лицо.

– Мы с вами называем это «безопасность». А Цапля, пожалуй, употребила бы термин «оптимальное сопротивление повреждениям». Словом, пока мисс Чейз ведет себя сравнительно сносно.

– Есть ли какие-то симптомы, которые мне следует учитывать?

– Да в общем-то, нет, не считая беспрерывного сна. Такое, видимо, наблюдается у острых. С выходом всей этой дурной энергии они обычно впадают в спячку. Она действительно поступила к нам в сильном возбуждении – рвалась из своих пут, скрипела зубами, так что я ожидал худшего. Ну а потом тихонько с ней заговорил, и она поуспокоилась, а там вскоре отключилась, как лампочка. Как будто ей нужно было всего лишь услышать человеческий голос.

– Во сколько примерно она прибыла?

– Вчера утром, около восьми. В шесть утра звонят мне из агентства. Жена у меня – она тоже медсестра – как раз собиралась на дежурство в Кайзер, ну а я должен был отвезти сына в подготовишку. И вот они мне говорят: «Кевин, мол, давай собирайся резко». Я им: «Вы чё, мол, с дуба рухнули?» И тут они называют мне ценник, по которому работать, и я тогда ноги в руки: «Сына, а ну рвем в подготовишку прямо сейчас!»

– Щедрое вознаграждение?

– В три раза выше обычной ставки, да еще и питание ресторанное. Только теперь есть ощущение, будто это *меня* упекли в темницу. Вы только гляньте: это же форменная одиночка! Хорошо хоть, вы тут мне в напарники подоспели.

– А питание – это которое навынос из ресторана?

– Вы здесь видели плиту или хотя бы микроволновку? Здесь вокруг полное смешение народов, кухня на любой вкус, и Цапля во всех таких местах держит открытые счета, что очень

даже здорово. У меня может быть марокканская еда на обед, корейская на ужин; сегодня на завтрак, например, были свежие круассаны из пекарни. Я заказал еще и для мисс Чейз, но она всё проспала, и мне в итоге пришлось их выбросить: холодильника здесь нет, а кому нужно пищевое отравление? Если очнется и надумает, я добуду ей свежих. Мне, кстати, удалось влить в нее немного воды – вводил медленно, вливая сквозь губы. Процесс был долгий – вы же знаете, какими дряблыми они становятся после своего буйства; приходилось к тому же остерегаться, как бы ей не попало в дыхательное горло.

– Она пила без сопротивления?

– Сначала немного стонала, но я все говорил ей, что она в порядке, и вроде помогло. Мне подумалось, насыщение влагой пойдет ей на пользу.

– Все верно.

Похоже, медбрат воспринял это с облегчением.

– В какой-то момент мне приходится принимать решения самому. При обезвоживании единственным вариантом для нее была бы капельница, хотя, спрашивается, кому надо до такого доводить? И, кстати, вы здесь хоть где-нибудь видели приспособления под капельницу? Цапля говорит, только по конкретному заказу. То же самое и шприцы, и трубки, и холодильник, и вообще все, что действительно могло бы превратить эту берлогу в медучреждение.

Я указал на шкаф с красным крестом.

– А там у вас что?

Кевин Брахт подошел и отодвинул металлическую дверцу. Помимо коробки с бинтами и пакета с резиновыми перчатками, там было шаром покати.

– Запаса медикаментов тоже нет? – спросил я.

– Даже аспирина. Все должно быть «под конкретного пациента»; то есть лечащий врач должен заказывать даже те препараты, что отпускаются без рецепта. К счастью, мисс Чейз поступила уже под медикаментозом, а фельдшеры оставили мне ее таблетки, они у меня в столе.

Подойдя к столу с другой стороны, он вынул из ящика флакон.

«Ативан, 3 мг, дважды в день».

– Вот. Фельдшер сказал, доктор в Рейвенсвуде предложил при возбуждении нарастить ей дозу в три раза, но мне все эти словесные указания из третьих рук как-то сомнительны.

– Доза чересчур большая, – рассудил я. – Два раза в день – и то серьезно. Пять лет назад она была довольно хрупкого сложения. Сейчас масса тела у нее прибавилась?

– Да нет, худышка. Может, потому и в себя до сих пор не приходит. Значит, этот медикамент свести к минимуму?

– Я – доктор не того профиля, чтобы на это отвечать. – Показал Кевину свою карточку.

– Психоло… *Детский психолог*? – изумился он. – А Цапля знает?

– Конечно, знает.

– Прошу простить, док, но… как так?

– Она выслуживается перед начальством, документируя лечение. А меня сюда зазвала, сказав, что меня спрашивала лично мисс Чейз. Ты что-нибудь такое слышал?

– Ни слога. Как она вообще вас разыскала?

– Пять лет назад я проводил оценку сына Зельды. Сейчас ему одиннадцать; мать, как видишь, не в себе, а Цапля заявляет, что в медицинской карте про мальчика не значилось ничего, кроме имени. Потому я и решил приехать.

– Дурдом какой-то…

– Согласен. Фельдшер, когда ее доставили, сообщил какую-нибудь информацию?

– Ничего, только лекарство передал.

Кевин подошел к Двери «А», отодвинул с глазка деревянную заслонку и, заглянув в комнату, скрестил пальцы.

– Все спит и спит.

Я подошел и сам приник глазом. Отверстие было небольшим и обзор ограничен, но в целом можно было разглядеть укрытый одеялом силуэт, ничком лежащий на простецкой кровати. Стены горчичного света, из окна на высоте струится дневной свет.

– Что будем делать, док? – спросил за спиной Кевин Брахт.

– Заходить.

Глава 7

Кевин Брахт отпер дверь и дал ключ мне. Переступив порог, я по возможности бесшумно прикрыл ее, но та все равно стукнула тяжело и гулко, по-тюремному. Сразу видно, что помещение для изоляции.

Фигура на кровати лежала лицом к стене, скрытая одеялом; наружу выбивалось лишь несколько беспорядочных прядей.

– Зельда? – осторожно подал я голос.

В ответ тишина. Я позвал еще раз, чуть громче. Приподнял волосы – сальные, спутанные. От теплой шеи чуть повеивало уксусом. Я нащупал пульс – медленный, ровный.

Отступив на шаг, оглядел изолятор.

Возле кровати располагался стул – сиденье и спинка мягкие, виниловые, а каркас из прочного коричневого пластика. Светодиодные светильники в потоке давали мягкий рассеянный свет. К ним прибавлялся свет солнца, сеющийся из окна наверху. Через припорошенное пылью чумазое стекло апатично, как на любительских акварелях, синело небо.

Я прошелся по периметру. Пол устлан линолеумом под дубовый паркет. Стены для мягкости покрыты слоем пеноплена, какой можно встретить только в подобных учреждениях, а поверх него – обои горчичного цвета, в тон которым и пушистое одеяло.

Поверх кроватных пружин – ортопедический матрас, на удивление добротный и упругий. Кровать, само собой, привинчена к полу.

В левом углу унитаз без крышки и умывальник размером с салатницу – оба из нержавейки, с закругленными краями. Нигде ни единой заостренной поверхности, что, в принципе, не панацея. Для того, кто жаждет самоуничтожения, даже рулон туалетной бумаги или зубная щетка на раковине могут при нужных обстоятельствах сыграть роковую роль.

Подняв глаза, на высоте, доступной разве что тренированному баскетболисту, я разглядел репродукцию в рамке – кустарного качества пейзаж. Спасибо, что хотя бы не мунковский «Крик»[11] (а то с Кристин Дойл-Маслоу, пожалуй, станется).

По больничным меркам место вполне себе приличное, хотя, как и все места заточения, через пару дней после использования оно начинает вонять казематом.

Я нагнулся, чтобы получше разглядеть новоиспеченную узницу. Пряди немытых волос напоминали сточную воду с проседью. Тридцать пять лет; остается лишь догадываться, как у нее после потери работы складывалась жизнь.

Где эта женщина обреталась? Как и чем жила? Что толкнуло ее повторить ту же проделку, после которой она очутилась в «обезьяннике» Санленда? Тот задний двор в Бель-Эйр тоже принадлежал кому-то из ее бывших? Или она его просто себе измыслила?

И где ее сын?

Я уселся на коричневый стул и попробовал подтянуть его к кровати. Не тут-то было: тоже привинчен.

Зельда продолжала спать, а мне невзначай подумалось, каково это – застрять здесь надолго.

Внезапно грудь словно стянуло обручем, а пульс пошел на разгон. Хотя я считал, что с этим вопросом покончил еще годы назад.

Это была клаустрофобия, которую я рассматривал в себе как скверный пережиток детства. Все те часы, проведенные мной в потаенных щелях и сараях, на корточках за кустами или между камней в попытках избежать непредсказуемых вспышек гнева пьяного отца.

---

[11] «Крик» – знаменитая картина Э. Мунка (1863–1944) с безликим силуэтом, издающим вопль отчаяния.

С той поры тесные пространства вызывали во мне скрытую неприязнь, хотя я и считаю, что сколь-либо заметное волнение по этому поводу – дело прошлое. Об этом не знает даже Робин. Ей незачем.

И вот опять… Ничего серьезного, я вполне мог с этим совладать. Как и годы назад, когда для этого мне приходилось заниматься самовнушением, прибегая к когнитивным поведенческим приемам.

Для этого я пытаюсь избегать всего, что хоть как-то напоминает заточение, – быть может, потому что не хочу окончательно изгонять свои воспоминания из боязни, что эта свобода смягчит меня, когда вдруг нагрянет следующая волна угрозы.

Я выстроил для себя мир, дающий мне максимум свободного пространства. Я живу в просторном, не загроможденном мебелью доме с видом на каньон, а в погожие дни с террасы виден и лоскуток океана. Моя работа – временная опека и судебная травматология, консультации по убийствам с моим лучшим другом, опытным детективом – позволяет приходить и уходить, когда это нужно мне самому.

Для поддержания формы я бегаю, выбирая время, неурочное для других.

Много времени я провожу наедине с собой, ну а когда начинают донимать непрошеные мысли и мне надо отвлечься от себя, всегда могу себе позволить роскошь помощи другим.

И вот сейчас, в этом абсурдном сюрреалистичном месте человек, которому я пришел помочь, лежит напичканный седативами, а я рвусь отсюда на волю.

Глубокий вдох и выдох. Фокусировка.

Несколько раз проделав это упражнение, я, сидя, склонился над Зельдой и коснулся ее щеки. Разумеется, в этом был определенный риск.

Зельда не шевельнулась. Я тронул ее еще раз, на этот раз легонько похлопав.

Моя третья попытка заставила ее нахмуриться.

– Зельда? – окликнул я.

Она что-то бормотнула, не открывая глаз. А затем села, повела плечами и мутно огляделась. Одеяло скатилось, открывая, как мне показалось, желтую казенную робу, но то оказалась дешевая блузка «тихуана» с грубыми черными швами в рубчик.

– Зельда.

Она снова улеглась, отодвинулась от меня и ушла в сон.

Я сидел, закрыв глаза и делая глубокие вдохи. В уме я пытался создать какую-нибудь приятную картину. В итоге сложился образ маленького мальчика, который строил из плашек замки. Что, впрочем, порождало новые вопросы.

Видение с меня стряхнул женский голос:

– Ты.

Не обличение; просто местоимение, брошенное без всякой интонации. Словно этот возглас существовал в вакууме.

Зельда Чейз снова сидела, собрав вокруг себя одеяло. На этот раз ее глаза были открыты и уставлены на меня.

– Ты, – повторила она.

– Зельда, вы знаете, кто я?

Смятение.

– Я доктор Делавэр.

Ее губы скукожились в куриную гузку. Она поскребла себе подбородок, затем щеку, затем лоб. Громко рыгнула, поскребла себе шею, вращая головой, захрустела суставами пальцев.

Эти пять лет состарили ее на десятилетия: некогда породистый овал лица из-за поведенной скулы и подбородка превратился в скособоченный топорик. Рот ввалился, из чего следовало, что зубы повыпали. Цвет лица сделался землистым (пресловутый «уличный загар»), губы

в пузырьках волдырей иссохли и пожухли. Белки глаз сделались розовыми. Неужто ей тридцать пять лет? На вид как минимум пятьдесят пять.

– Зельда…

Она приподняла руки в оборонительной позе, но вяло и неуверенно, как разучившийся боксер.

Я отсел от нее на стуле как можно дальше.

– Я – Алекс Делавэр. Мы с вами виделись несколько лет назад.

Молчание.

– Мне говорили, вы меня спрашивали.

Руки чуть приопустились. Смятение на грани ступора могло объясняться душевным расстройством, однако у меня складывалось мнение, что причиной здесь происки Кристин Дойл-Маслоу. Зельда в таком состоянии позвать меня вряд ли могла. А вот проекту Цапли явно был нужен официально зафиксированный пациент, и я, сердобольный болван, своим визитом совести на это купился.

Тем не менее надо было пробовать.

– Зельда, мы с вами встречались пять лет назад. Когда вы наблюдались у доктора Шермана.

Взгляд без тени мысли.

– Лу Шерман, – напомнил я. – Он был вашим психиатром.

Она кругло моргнула.

– Я – детский психолог. И одно время занимался вашим Овидием.

Моргание.

– С Овидием я работал, пока вы лечились у доктора Шермана. Вы тогда жили в отеле в Беверли-Хиллс.

Понимания во взгляде не больше, чем у обоев за ее спиной.

Я продолжал тараторить как одержимый:

– Мы с доктором Шерманом организовали Овидию няню, чтобы вы могли возвратиться к работе. Точнее, это сделал я. Через агентство по найму.

На губах блуждающая растерянная улыбка, как у больных афазией[12], которые чувствуют, что что-то не так, но не поймут, что именно.

– Зельда, вы знаете, где находитесь?

В ответ – мучительно сдвинутые брови. Я повторил вопрос, уже мало чего ожидая.

– Здесь, – произнесла она.

– «Здесь» – это где, Зельда?

– Это…

– «Это» значит *что*? Вы знаете?

Она сощурилась. Сплела пальцы и уронила руки перед собой. С одной стороны, хорошо, что она не буянит, но… вообще, что я ей могу сказать? Что она подопытная крыса в грантовом проекте?

«Где же может быть мальчик?»

– Вчера, Зельда, вы были в клинике, – произнес я. – Оттуда вас перевезли сюда, но всего на два дня.

Реакции никакой.

– Вы знаете, какой сейчас день?

– Сейчас.

Мой следующий вопрос был буднично-идиотским:

– В смысле, какой день недели?

[12] Афазия – психическое нарушение, характеризующееся утратой способности понимать чужую речь.

Эту фразу я с таким же успехом мог произнести на албанском.

– Вы помните, из-за чего оказались в больнице?

Она закрыла себе ладонями глаза. Сжатые кулаки смотрелись небольшими дугами.

– Зельда, прошу прощения, если эти вопросы…

– Исчезла, – неожиданно громко и резко бросила она.

– Кто исчез, Зельда?

– Мамуля.

– Ваша мать…

– Нет, нет, – сорванным шепотом заговорила она, – нет нет нет нет нет нет…

Все это монотонно, без гневливости; звучало больше как усталая мантра.

Скрючившись, она прижала ладони к вискам.

– Мамуля… – произнес я как подсказку.

– Ушла.

– Когда?

Молчок.

– Вы искали вашу маму.

Она шумно засопела.

– И не нашли.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего:

– Я бы искала, но они меня сюда.

– Конечно. Вы искали вашу маму, когда…

В отчаянии зарычав, она откинулась на матрас и натянула себе на голову одеяло.

– Зельда…

Одеяло приподнялось. Я ждал. На этот раз ее сон перемежался агрессивным, колючим похрапыванием.

Следующие полчаса я провел в ожидании, подавляя в себе напряжение все той же приятной умозрительной образностью. В которую, однако, нередко вторгались тревожные мысли.

«Одиннадцать лет».

Когда дыхание у Зельды замедлилось и стало ясно, что она заснула крепко, я пустил в ход ключ и покинул это узилище.

* * *

Кевин Брахт поднял глаза от книги.

– Можно с чем-нибудь поздравить?

Я покачал головой.

– Тогда что будем делать, док?

Я дал ему свою визитку.

– Буду здесь завтра перед ее выпиской. Если возникнут какие-нибудь проблемы, дай мне знать.

Он подошел к двери.

– Что же с ней, такой вот, будет?

– Попробую пристроить ее куда-нибудь, где безопасно.

– Но ведь это только с ее согласия. Таков порядок.

Я понимал, о чем он. Правила принудительного удержания категорично гласят: если пациент так или иначе угрожает себе или окружающим, врач обязан это зафиксировать. Если нет, тогда полная свобода без всяких исключений. Это вызывало невольный вопрос: что Зельда сделала такого, что ей изначально присвоили код? Я спросил Брахта, есть ли у него какие-то соображения на этот счет.

– Да нет. Ее просто доставили и сказали, что она была задержана.

– Лично я не видел на ней ни ссадин, ни каких-либо следов борьбы.

– Так ведь и я тоже. Кроме самого эпизода задержания, когда ее брали в наручники, вид у нее был такой же, какой вы только что видели. Мне, кстати, попробовать ввести ей дополнительно еще какой-нибудь препарат? Само собой, неофициально.

– Нет, просто приглядывай за ней.

– Ну а как же, док. Может, даже найду повод, чтобы вернуть ее обратно.

Я покачал головой:

– Не надо. Если в этом будет необходимость, оно само проявится.

– Согласен.

Когда я направлялся к двери, Кевин сказал:

– Надеюсь, я не показался вам самоуправным козлом. Насчет повторного удержания. Мне просто подумалось о ее безопасности. Куда ей, бедняге, деваться, ежели что? Ведь черт-те где окажется.

– Я это именно так и понял, Кевин. И рад, что ты здесь.

– Спасибо, док. – Он рассмеялся. – Мне б так радоваться…

* * *

На обратном пути я прошел через соты офисных кабинок. Возле ближнего сестринского поста находилась Кристин Дойл-Маслоу, занятая сейчас своим «Айпэдом». Моего приближения она, похоже, не заметила, а потому, когда я был от нее уже в двух шагах, вздрогнула и поспешила выключить планшет. Хотя то, что у нее на экране, я успел заметить. Кино – со щитами, копьями и кровищей.

Я прошел, не сбавляя хода.

– Как там статус? – спросила она.

– Кво, – ответил я.

– Что?.. А, ха-ха… Когда вы думаете вернуться?

– А когда ее выпустят?

Она уже снова была занята «Айпэдом»:

– Завтра в три часа дня.

– Вот я и буду к этому времени.

– А если инцидент?

– В каком смысле?

– Ну какая-нибудь проблема?

«Скажу, пожалуй».

– У вашего санитара есть мой номер. У вас есть какие-то планы на период после выписки?

– А это *ваша* забота?

Я пошел дальше.

– Это всё? – в спину спросила она.

– А чего еще? – бросил я, не оборачиваясь.

– Если вы знаете других пациентов, подпадающих под нашу программу, то скажите: пусть обращаются.

* * *

Из своей «Севильи» я набрал медицинский центр университета и спросил доктора Неру.

– У нас их трое. Вам которого?

– Который из психиатрии.

– Прошу подождать. – С минуту в трубке артачилась испанская гитара. – Есть доктор Мохан Неру. Вам дать номер?

Я пометил себе автоответчика отделения психиатрии, а затем снова вышел на оператора и попросил доктора Неру.

– Если вы пациент, то у нас действует строка сообщений…

– Я коллега. Доктор Алекс Делавэр. Речь о нашем общем пациенте.

– Прошу подождать… Да, вы есть в списке… Александер… А, так вы не из нашего района, но… Хотя у вас до сих пор сохранены привилегии. Минутку.

Через пару инструменталов фламенко:

– Спасибо за ожидание. Сегодня у него приемный день, но на звонки он не отвечает.

– Какие именно услуги он оказывает?

– Информацией такого уровня мы не располагаем.

* * *

Вествуд находился как раз по дороге домой. Через главный южный въезд я свернул на территорию кампуса и возле административного здания медцентра взял влево. От него в обе стороны тянулись лечебные корпуса. Как и свойственно мини-городку, в этот час здесь всюду кипело движение.

Психиатрическая больница Рейвенсвуда располагалась в одном из самых новых и импозантных зданий комплекса – шестиэтажный архитектурный изыск из известняка и меди, проспонсированный и названный в честь магната, чья дочь умерла от осложнений анорексии. Машину я припарковал по своему факультетскому пропуску, на грудь пришпилил корпоративный бэйдж «Западной ассоциации педиатров» и, поднявшись в лифте на пятый этаж, нажал красную кнопку запертой двери с табличкой «Стационар взрослой психиатрии».

Всего в медцентре около тысячи койко-мест, из которых восемьдесят числятся за Рейвенсвудом. Из них двадцать отведены педиатрии, десять – пациентам с Альцгеймером, давшим согласие на подопытность в обмен на надежду, а остальные тридцать входят в университетскую программу для лиц с расстройствами пищевого поведения (услуга, приносящая немалые дивиденды).

Остается пятнадцать коек под общую психиатрию. Они, в свою очередь, подразделяются на восемь в палате добровольцев, не особо отличающихся от своих соседей-реабилитантов, и семь для тех, у кого клеймо «5150».

Неудивительно, что когда сюда привезли Зельду, здесь все было уже под завязку.

«ЛАКБАР» был местом не ахти, но за неимением оного ее, вероятно, переправили бы на другой конец города в психушку окружного подчинения. Так что, может, все сложилось и к лучшему. *Если* мне удастся пристроить ее туда, где она сможет прожить завтрашний день. Чтобы она там оклемалась, пришла более-менее в адекват и все-таки рассказала, где сейчас находится ее сын.

Пять лет назад она была преданной, обеспокоенной матерью. Вскоре после этого карьера Зельды потерпела крах, а сама она оказалась на улице. Один положительный нюанс: ее продолжал опекать Лу Шерман, возможно, даже после того, как она лишилась страховки. И никуда ее не переводил, пока сам не оказался серьезно болен.

Но ко мне он не обращался…

С той стороны к двери никто не подходил, и я позвонил снова. Спустя некоторое время через дверное окошечко меня оглядела молодая медсестра и сама вышла ко мне наружу.

– Чем могу помочь?

– Мне нужен доктор Неру.

Она взглядом изучила мой бэйдж.

– Майк сейчас в кафетерии.

– Спасибо. Вы прошлой ночью дежурили?

– Нет. А что?

– Я только что от пациента, который поступал сюда под кодом «пятьдесят один пятьдесят», а затем его переправили в другое место, ближе к центру. Процедуру оформлял доктор Неру, и мне хотелось бы заглянуть в сопроводительную карту, посмотреть, не даст ли он мне каких-нибудь клинических советов.

– А в центре что, есть больница?

– Не совсем, – ответил я. – Что-то вроде центра психического здоровья, а при нем небольшой стационар.

– Вон оно что… В общем, Майк сейчас на обеде.

* * *

Кафетерий, словно улей, гудел ордой людей в белых халатах и зеленоватых хэбэшных «двойках». Все спешили поскорее обслужиться. Бросалось в глаза обилие выходцев из Индии, как минимум десятка два.

Шаг первый: сконцентрируйся на докторах.

Шаг второй: сфокусируйся на тех, кто помоложе, из расчета что у Мохана («Майка») Неру есть американское гражданство.

Всего набиралось пять кандидатур. Взяв себе чашку кофе, я начал неторопливо проходить мимо каждого, стараясь не привлекать к себе внимания чтением их бэйджей.

«М. М. Неру, д. м.» оказался вторым по счету – гладколицый, чисто выбритый мужчина лет тридцати. За столиком он сидел один, рассеянно поедая большущий буррито и запивая его колой из баночки. При этом еще и успевал поигрывать со своим «Айфоном».

Я пристроился напротив. Он заметил меня не сразу; совсем как Дойл-Маслоу со своим фильмом. Все подсаженные на киберзабавы так или иначе слегка «тормозят».

Наконец Неру поднял глаза, а я представился и рассказал, зачем я здесь. Он кинул взгляд на мой бэйдж.

– Да, конечно, я ее помню. Та, которую мы перевели. Как там она?

– По большей части спит. У вас есть время поболтать?

– Разумеется.

Он отодвинул тарелку с недоеденным буррито.

– Не хотелось бы прерывать ваш обед.

– Да я уже поел. На такую дрянь и времени тратить не хочется. Значит, вы работаете с тем администратором… Кирстен, или как там ее? За которой крупные фонды нашей медицины?

– Не совсем так.

Я изложил ему свою историю знакомства с Зельдой Чейз, случившегося стараниями Лу Шермана, а также то, какими судьбами в итоге оказался в «ЛАКБАРе».

– Значит, она и вас обработала. – Он усмехнулся. – Доктора Шермана я знал по медколледжу: хороший преподаватель. А когда увидел ту карту с отметкой, что его больше нет, расстроился. Он ведь, кажется, умер?

– Да, два года назад.

– Вот-вот. Кажется, я про это еще от кого-то слышал.

– А можно мне как-то ознакомиться с его записями?

– Можем подняться и сделать копию, только никаких откровений не ожидайте. Никаких особых комментариев о ней он не оставил. Лишь расписал курс медикаментов.

– И что там?

– Начал с халдола, пару раз повышал дозировку, затем по истечении года переключился на ативан, от чего я и стал отталкиваться. Перед отправкой дал ей серьезную дозу, чтобы она поутихла и при транспортировке вела себя спокойно. – Он посмотрел на меня. – Так, по-вашему, нормально?

– Переезд обошелся без эксцессов, и она мирно спит.

– Ну вот и славно. А у вас какой план?

– Честно сказать, никакого, – ответил я. – Завтра ее выписывают, и пока она не сделала ничего, чтобы продлять ей «пятьдесят один пятьдесят».

– Значит, ее просто выпнут на улицу. История старая как мир.

– Кстати, а каким образом ее вообще задержали?

– Хороший вопрос. Начать с того, что стволами и ножами она ни перед кем не размахивала. По словам копов, «создавала беспорядок» на чьем-то там заднем дворе, а их прибытие встретила агрессивно. И копы – цитирую дословно – «почувствовали перед собой угрозу»; как вам нравится такой вздор? Эдакие великорослые дитяти, которым всюду мерещится спусковой крючок… Они сказали, что дело возбуждать не будут, если только мы ее угомоним; ну я и решил оказать ей услугу. К тому же у нас имелось койко-место, что бывает далеко не всегда. – Неру отхлебнул колы. – Ну и как там то место, куда она перешла?

Я описал ему «ЛАКБАР».

– Вот же показушница. – Майк-Мохан презрительно покачал головой. – А ведь вещала с таким видом, будто у них там как минимум ВИП-центр…

– Из шкурных интересов, – пояснил я. – Хотя палата там довольно сносная, к тому же с толковым дежурным санитаром.

– То есть свое она все же урвала, – рассудил Неру. – Ладно, пусть в следующий раз хотя бы сунется с какой-нибудь просьбой. Я ей сразу укажу, куда ее засунуть.

– Ничто не сравнится с наглядным уроком анатомии.

Он осклабился. А затем посерьезнел.

– Значит, завтра в три часа дня ее выпроводят, и она станет беззащитной. Был бы рад сказать, что удивлен… Я сейчас на последнем курсе, подумываю о магистратуре в медицине или бизнесе. А может, направлю стопы и в социальную политику…

– Лучше быть молотком, чем гвоздем?

– Главное, чтобы эффективно.

Откусив очередной кусок буррито, остальное он с гримасой отодвинул в сторону. Мимо прошла пара его темноглазых соплеменников. Неру рассеянно проводил их взглядом.

– На врача я выучился не для того, чтобы быть тюремщиком, но давайте будем откровенны: кое-кто из людей нуждается в защите от самих себя. Ночь, когда сюда поступила мисс Чейз, выдалась бурной: некоторые из принятых пациентов вели себя беспокойно. И тут ко мне подлетает эта птица и давай втирать, что у нее есть полномочия, бла-бла-бла, и сует мне всякие бланки от официальных инстанций, в том числе и от Института здравоохранения. Там помещение и в самом деле пригодное?

– Если на пару дней, под должным наблюдением.

– Один-единственный пациент в каком-то облезлом заведении… – Майк Неру задумчиво покачал головой. – Ну что, идемте смотреть ту выписку?

* * *

Пока он разыскивал у себя в компьютере файл, я задал вопрос:

– Когда доктор Шерман начал заниматься Зельдой, он не был четко уверен в ее диагнозе. В его записях он проясняется?

– Нет, но, учитывая назначаемые им препараты, я решил, что он концентрировался больше на тревожности, чем на биполярном… ага, вот оно. Сейчас распечатаю.

Из принтера вылез всего один лист. Имя-фамилия Зельды, без телефона, с давно устаревшим адресом, плюс указание на наличие восьмилетнего ребенка, некогда обследованного мною. И, наконец, в самом низу – правовое заявление, что он более не может нести медицинскую ответственность за пациентку и надеется, что она будет придерживаться назначенного им курса лечения, который начнет проходить с кем-то при университете. В том числе продолжение приема медикаментозных средств: халдол с дальнейшей заменой на ативан.

«Продолжение» подразумевало, что в какое-то время она его прервала – возможно, в нарушение рекомендаций. Упоминание первого медикамента наводило на мысль о предположении Лу Шермана, что пациентке он снова понадобится.

Выбор халдола обычно приходится на случаи, когда на горизонте маячит перспектива тяжелого расстройства.

Нет ничего, что так или иначе подтверждало бы соблюдение Зельдой прописанного ей курса. Единственная причина, по какой она в итоге оказалась в университетской клинике, – это территориальная близость к Бель-Эйр.

– Примечателен адрес, – указал Майк Неру. – Бульвар Сансет, Беверли-Хиллс. Дома там не каждому по карману, а у нее вид явно не богачки.

– Отель «Беверли-Хиллс», – конкретизировал я. – Она там жила в коттедже.

– Вы шутите? Ого… То есть когда-то она *в самом деле* была при деньгах. Удивительно: я-то думал, это описка… К нам она поступила как «бездомная».

– Сейчас-то она, похоже, ею и является. Как установили ее личность?

– Копы идентифицировали ее по отпечаткам пальцев и указали имя. Опираясь на него, мы подняли наш архив и нашли учетную запись.

– Здесь упомянут ее сын. Она что-нибудь говорила о нем?

– Ничего. Просто голосила, чтобы ее освободили. Как и все, кто подвергается подобному приводу. Тогда я ввел ей ативан, и она подутихла. В отличие, кстати, от некоторых других. Ночка выдалась еще та.

Глава 8

На пути домой я заехал к себе в офис и разыскал там свои записи по Овидию. В них я нашел название его подготовительной школы, а также имя учительницы – Джанет Робер, – и позвонил.

Мне повезло: она по-прежнему работала там, да еще и сразу нашлась (я попал как раз на перемену). Кто я такой, она понятия не имела, но в ее голосе зазвучали теплые нотки, стоило мне сказать, что я когда-то был психологом мальчика.

– Овидий? Конечно, я его помню: яркие ученики остаются в памяти. Если не секрет, в чем причина вашего звонка?

– Я его ищу.

В общих чертах я описал ей причину, упомянув, что Зельда испытывает проблемы эмоционального плана, о которых я распространяться не могу.

– Проблемы? – Джанет Робер вздохнула. – Честно сказать, доктор Делавэр, меня это не удивляет. Школу она посещала лишь несколько раз, а когда появлялась, у меня было ощущение, что она старается… казаться нормальной. Но это, как бы сказать… не вполне выходило. Вы меня понимаете?

– Ее старание бросалось в глаза.

– А заканчивалось нервозностью. Как будто она сердилась на то, что у нее не получается… Кто-то говорил, что она актриса.

– Да, она действительно ею была.

– Что ж, в таком случае ее исполнительское мастерство меня не впечатляло. Не скажу, чтобы в ней было что-нибудь угрожающее; скорее наоборот. Хрупкое, уязвимое. Красивая и очень ранимая женщина. Вы хотите сказать, что Овидия у нее забрали? Если так, то зачем вам его искать?

– Я не знаю, что с ним, кроме того, что он теперь не с матерью. А сама Зельда не в состоянии ничего мне рассказать.

– Даже так? – Джанет Робер встрепенулась. – Звучит посерьезней эмоциональных проблем.

– Вскоре после того, как я осмотрел Овидия, Зельда лишилась работы. Она дала своему сыну у вас доучиться?

– По всей видимости, да. Но как у него все складывалось после того, как он нас покинул и пошел в первый класс, я вам сказать не могу. Такой уж у нас уклад. Контакты обрываются.

– Вы отправляете ребятишек в какие-нибудь конкретные школы?

– Вовсе нет. Дети поступают к нам отовсюду и расходятся кто куда. Кто в частные школы, кто – в государственные. Если у них есть младшие сестренки и братишки, которые потом тоже приходят к нам, родители иногда шлют нам промежуточные отчеты. Вас, наверное, беспокоит, не привели ли проблемы Зельды к домашнему насилию?

– Вообще-то, намеков не было.

– Намеков, – задумчиво повторила Джанет Робер. – Я надеялась, вы скажете: «Это исключено».

* * *

Следующая попытка: «Городской центр присмотра и ухода за детьми». Ни телефона, ни ссылок в Интернете. Лос-Анджелес в чистом виде: всё с ограниченным сроком годности.

Перспектива набирать подряд десятки разных школ и что-то врать тяготила, да и успех выглядел сомнительным. Пора было прибегнуть к высшим силам.

* * *

Майло Стёрджис находился где-то в западной части Лос-Анджелеса; офисный коммутатор соединять меня с ним отказался. Пришлось набирать по сотовому.

– Привет, Алекс.

– Мне нужна твоя помощь.

– Вот это поворот! А какая?

– Давай встретимся?

– Чую, нужен круто… Через пару часов я освобождаюсь. У меня в офисе нормально будет?

– Шикарно.

Без всяких расспросов.

Вот что значит «друг в беде».

* * *

Статус Майло в полиции Лос-Анджелеса – одна из тех ярких проблесковых точек, которые, сыграв всем на руку, благополучно соскальзывают с экрана.

Несколько лет назад он заключил сделку с шефом полиции – гладким и гибким, как уж, политиканом, метящим в отставку. Условия простые: взамен на повышение в лейтенанты (звание, обычно подразумевающее офисную работу) Майло получает себе свободу действий. А также надбавку к зарплате и пенсии, плюс мандат на продолжение работы в убойном отделе.

Новый шеф – рефлекторный антагонист и властолюбец – к той договоренности относился терпимо при условии, что она не сказывалась на фактически безупречной раскрываемости преступлений, которой мог похвастаться Майло. Ситуация, безусловно, нетипичная, хотя применительно к моему другу вполне себе к месту: он и так всегда значился особняком.

В те дни, когда Стёрджис еще лишь начинал карьеру, офицеров-гомосексуалистов в отделе попросту не существовало, а его коллеги устраивали облавы на гей-бары и размазывали их завсегдатаев по стенке. Самосохранение требовало держать свою частную жизнь глубоко за пазухой; вот Майло и застегивался на все пуговицы в своем психосоциальном гетто.

Когда же общественный уклад начал понемногу меняться, он, соблюдая сдержанность, перестал маскироваться и делать вид, так что вскоре все вышло на поверхность. Тот период был, пожалуй, самым сложным – ехидные усмешки, ядовитые взгляды; его чурались, а иногда откровенно унижали.

Сегодня в департаменте действуют правила против любой дискриминации, и полицейские-геи работают без притеснений. Но Майло по-прежнему держится особняком; думаю, так обстояло бы и в том случае, если б он в своей ориентации был «традиционщиком».

Наряду с прочим, уговор с тем ушлым шефом предусматривал создание «креативного» рабочего пространства. Большинство детективов Западного Лос-Анджелеса обретаются в едином большом помещении, нашпигованном шкафчиками и кофейными автоматами – колготня и скученность, пропитанные пыльным духом службизма, рутины и черного юмора.

Что до Майло, то его владения – это бывшая бытовка без окон; тесный каземат без таблички на двери, расположенный в конце узкого как лаз коридорчика рядом с допросными, где потеют, отпираются и сознаются правонарушители всех мастей.

Честно сказать, незавидная квадратура для человека, ведущего столько важных дел. Тем более что ростом он под метр девяносто, с пивным брюшком и сложением линейного футбо-

листа, перешедшего на сидячий образ жизни. Для такого даже хорошие потягушки чреваты задеванием стен.

Лично я от такой обстановки с ума бы сошел. А ему нравится.

* * *

На момент моего прибытия дверь у моего друга была распахнута, а сам он, согнувшись перед компьютером, тюкал по клавиатуре, как прилежный носорог. На столе дыбились кипы бумаг, они же занимали соседний стул и топорщились вдоль стен на полу. Майло, не оборачиваясь, смахнул со стула какие-то листы, устелившие линолеум дополнительной снежной заметью.

Я сел.

– Новое дело?

Пальцы перестали настукивать.

– Если бы. Семинар по профразвитию. То есть по колено в словесном поносе.

Снова тюканье, а за ним пауза.

– С восьми утра торчал на семинаре по менеджменту. Для руководства отдела, к которому я, получается, тоже отношусь.

– Поздравляю.

– Да? Ужасно тронут. А виню единственно тот эффект, который твои коллеги налагают на общество.

– Логорея?

– Она самая. Бесчисленные часы словесной межличностной белиберды и трепотни насчет чувствительности. Они к нам даже прислали социальную работницу, рассказать, что, в принципе, мы неплохие существа, несмотря на свои агрессивные замашки. Когда она разбила нас на мелкие группки, я сделал ноги. Но все равно вынужден заканчивать этот компьютерный тест в доказательство, что я присутствовал. – Он нахмурился. – Ты как считаешь, эмпатия в эффективном управлении необходима всегда?

– М-м-м, – протянул я в ответ.

– Не мекай, а то будешь заполнять сам.

– Если там нет варианта «*зависит от*», лучше пиши «*да*».

Он тюкнул по клавише.

– Идем дальше: «Является ли разнообразие обогащающим и стимулирующим фактором в связи с культурными изменениями, повлиявшими на правоохранительную деятельность в XXI веке? Или для хорошо функционирующей организации это было выгодно всегда?»

– Тут я ни на шаг не отклонялся бы от «*может быть*».

Майло рассмеялся, пригнулся ниже и с нарастающим азартом принялся колотить по клавишам. Скоро под компьютером уже с дребезгом дрожала столешница; мне же оставалось единственно сидеть и выжидать, когда он все это завершит.

Выглядел мой друг в целом так же, как и всегда: черные волосы прилизаны, но непослушны; седые баки а-ля «привет полоскам скунса» взлохмачены и неровны по длине – левый на полсантиметра длиннее правого.

Лампы дневного света садистски высвечивали каждую складку, морщину и оспинку на ухабистых просторах его тяжелого лица. Сегодня замах на моду у Майло состоял из некогда белой безрукавки, оранжево-синего галстука без причастности шелкопряда, мятых слаксов с накладными карманами и всегдашних ботинок-дезертов мутно-лилового цвета (вроде туч за больничным окошком Зельды Чейз).

«А что, дезерты нынче в моде», – подумал я, но вслух сказать не решился.

На полу валялась оливковая ветровка со спутанными рукавами. Я поднял ее с пола и перекинул через руку. При резком одновременном вдохе мы с Майло вполне могли стукнуться друг об дружку.

Очистив экран, он с лихостью стритрейсера развернул ко мне свой офисный стул и, охватив взглядом меня и ветровку, воскликнул:

– Персональный слуга? Браво! А окна ты тоже моешь?

– Поможешь – почему бы и нет.

До странности яркие зеленые глаза впились в меня с такой цепкостью, будто мы с Майло были едва знакомы. Когда он так делает, мне становится не по себе, но я с этим свыкся.

– Рассказывай, – сказал Стёрджис.

Слушал он вдумчиво, не перебивая. А затем спросил:

– Стало быть, актриса? Что-то я о такой не слышал… Ладно, найти не составит труда.

Возвратившись к клавиатуре, он открыл базу данных, запретную для всех, кроме правоохранителей и двенадцатилетних хакеров. Бряцая по клавишам, носом нахмыкивал какую-то мелодию.

Полисовский «Каждый твой вздох»…[13] Надо же, как символично.

Экран начал заполняться мелким шрифтом.

– Ну, вот… О, так у твоей девицы есть криминальное досье? В самом деле. Первое правонарушение: четыреста пятнадцатая, плюс пять лет назад незаконное проникновение в Санленде. Дело прекращено. После этого она, похоже, взялась за ум и пару лет не лезла на рожон, пока ее не взяли за нахождение в нетрезвом виде в общественном месте Центрального округа – Бродвей, возле Пятой авеню… Дело опять же прекращено.

Я осторожно заметил:

– Как видно, статья о бродяжничестве не была применена.

– Ты сам знаешь, Алекс, как с этим обстоит. Когда реально на статью не тянет, ограничиваются царапками. Я полагаю, какой-нибудь домовладелец или спонсор-девелопер поднял скулеж насчет побродяжек, вот департамент под видом здравоохранения и борьбы с наркоманией и произвел подобие профилактики… Как бы то ни было, в тюрягу твоя мисс Чейз не попала, и после этого она снова уплывает из поля зрения, пока… э-э… год и три месяца назад не учиняет пьяный дебош снова, и также в Центральном – на Олив-стрит, возле Четвертой авеню. То есть ближе к Скид-Роу[14].

– Вероятно, она обитала где-то в центре.

– Я бы тоже так сказал… Ничего более, пока буквально несколько дней назад, уже в Бель-Эйр… оп! Опять дело замяли. Ты гляди-ка. – Майло повернулся ко мне. – Явно не королева преступного мира. Возможно, свое жилье она сменила на улицы Вестсайда, иначе зачем ей было кочевать из центра аж до Пубаленда всего лишь с тем, чтобы там залезть к кому-то на задний двор. Не иначе как она решила заделаться «дитём природы», облюбовав себе подножье гор?

– Первый раз в Центральном она попала через несколько месяцев после того, как умер ее психиатр. Если б никто не пришел ему на смену, она быстро сошла бы на нет.

– Логично. С полицейского ракурса замечу: как сумасшедшая она ведет себя неплохо. В ее ситуации я видал и таких, на ком аресты висят пачками.

– Там в протоколах о задержании не значатся адреса? – поинтересовался я.

Майло крутнул экранное изображение назад.

– Первый раз, в Санленде, ее взяли на Голливудских Холмах, в Корт-Мадере. Второй раз – на Сансете.

---

[13] Композиция группы «Полис» со словами: «Каждый твой вздох, каждое твое движение… я буду за ними следить».

[14] Скид-Роу – один из неблагополучных районов Лос-Анджелеса.

– В Беверли-Хиллс?

– Да ну. Как она могла там очутиться?

– Психиатр договорился со студией, чтобы та оплачивала Зельде коттедж при отеле «Беверли-Хиллс». Может, она соврала, что до сих пор живет там.

– Нет, этот адрес где-то в Восточном Голливуде… Может быть, Эхо-парк.

Майло зашел на интернет-карту и пальцем обозначил место:

– Формально Голливуд, но прямо на границе. Глянем, что нам говорит ОТС…[15] Действующих водительских прав или зарегистрированных транспортных средств не зарегистрировано. Как и удостоверений личности, выданных на основе лицензии. В чистом виде человек с улицы. Дети в документах тоже не фигурируют; видимо, мать утратила права опеки. А отец у ребенка вообще зарегистрирован?

– Насчет этого она не распространялась.

– Понятно. Давай-ка лучше переключимся на поиски ее чада. Твой ум через это успокоится и перейдет на помощь мне в составлении всей этой муси-пусечной хрени.

Майло прошерстил несколько сайтов соцуслуг, включая саму Службу соцобеспечения, для точности дублируя свои поиски звонками. Ни о Зельде, ни об Овидии Чейзе в системе не значилось ровным счетом ничего.

– Ишь ты… – Он озадаченно повел головой. – Ладно. При отсутствии хорошего зайдем от плохого.

* * *

Я внутренне напрягся: Стёрджис зашел на сайт коронера[16].

Слава богу, ничего.

То же самое по базе данных пропавших детей Лос-Анджелеса, Сан-Диего, Сан-Бернардино, Вентуры и Санта-Барбары.

Затем он прошелся по списку правонарушителей Калифорнийского управления по делам молодежи.

– По крайней мере, плохим парнем он не кажется. Давай теперь в национальном масштабе.

Море пропавших одиннадцатилетних мальчишек по всей стране. Сплошь полудетские лица – из них многие пропали так давно, что уже давно перешагнули порог указанного в файле возраста.

Мука для столь многих семей.

Но Овидия Чейза среди них нет.

Майло, ерзнув резиной колес по линолеуму, совершил подъездной маневр на стуле.

– Тебе, вероятно, приходила мысль, что психическое заболевание может быть и генетическим? В таком случае как насчет педиатрических отделений психбольниц?

– Само собой. – Я безрадостно развел руками.

– Извини, – сказал мой друг, – но тут обзвон уместней делать тебе, а не мне.

Он нашел мне пустующую допросную, откуда я позвонил в педиатрию Рейвенсвуда и отрекомендовался – с нулевым, впрочем, результатом. То же самое ждало меня и в окружной клинике, и во всех прочих государственных больницах, где есть детские психиатрические стационары.

Когда я вернулся и сообщил об этом Майло, тот сказал:

---

[15] Отдел транспортных средств.

[16] Коронер – должностное лицо, разбирающее дела о насильственной или внезапной смерти при сомнительных обстоятельствах.

– А нельзя основать на этом вывод, что отсутствие новостей – уже хорошие новости? Что он, например, живет и бед не знает в образцовой приемной семье?

– Если только в совершенном мире… Единственное место, о котором мне думается, это частная психушка, но доступ к их записям нам заказан.

– Частная стоит целое состояние, Алекс. Не представляю, чтобы это мог позволить себе ребенок бездомной женщины. Если только он не в заведении, живущем за счет правительства. Но если б так, его имя по-любому всплыло бы в каком-нибудь списке социальных услуг. То же самое и в государственной школе: его зарегистрировали бы для получения субсидий. Ну а навороченные интернаты я уж и в расчет не беру, верно?

– Верно.

– Тогда что дальше?

На это у меня ответа не было.

Майло задал вопрос:

– Сегодня на вашем свидании она про ребенка не упоминала вообще?

– Я упомянул про него сам, но ненавязчиво. Не думаю, что она *вообще* могла свободно разговаривать. Единственно, что удалось вытянуть из Зельды, это что у нее исчезла мать. При этом она пришла в возбуждение, и я пригасил тему.

– Это, по-твоему, всплеск безумия или ты задел нерв?

– Понятия не имею.

– Мама исчезает… Слушай: учитывая, что она была актрисой, как насчет какого-нибудь сайта типа «Где они теперь»?

– Пробовал, – ответил я. – «Субурбия» продержалась два с половиной сезона. Там выложены все серии, и Зельда в составе, но ее биографических выкладок нет.

– Может, из них никто дальше и не работал.

– Это наталкивает меня на мысль, здоровяк. Попробую-ка я отыскать ее коллег по съемкам. В любом случае спасибо тебе. – Я встал. – Не подкинешь мне заодно тот адресок в Эхопарке?

– Лучше я сам с тобой поеду.

– У тебя что, есть время?

– Есть, нет… Все одно лучше, чем сидеть за этим.

Мой друг убрал с экрана тест и, взяв у меня свою куртку, вделся в рукава.

– Большой побег, – назвал это я.

– Расстановка приоритетов, амиго, – поправил Майло. – Как раз этому нас на семинарах и обучали.

Глава 9

Дорога в Эхо-парк заняла сорок пять минут, на протяжении которых я обзвонил несколько частных психбольниц и диспансеров в слабой надежде, что кто-нибудь там проявит гибкость и отойдет от правил. Эффект нулевой, но я хоть чем-то занимался, а не сидел, погрязнув в пессимизме, в то время как Майло с тихой руганью лавировал в транспортном потоке.

Протокольный адрес Зельды в Восточном Голливуде на поверку оказался облезлой трехэтажкой в зигзагах лестниц столетней давности – один из старожилов спального района, обросшего стрип-моллами, почтовыми ящиками и ресторанами в стиле «латино».

Что это за место, можно было понять безо всяких дипломов и пояснительных надписей. На скамейках у тротуара покинуто сидели люди. Пустые глаза, обвислые рты. При виде анонимно подчалившего авто сонная стайка вздрогнула и зашевелилась. К тому моменту, как мы с Майло вышли из машины, все они скрылись внутри.

На открытой двери три замка. Возле нее – плакат о том, что вход после девяти вечера воспрещен. Вестибюль скудный и унылый, несмотря на бодрые аквамариновые стены; здесь же на подставке доска с правилами и распорядком для обитателей приюта «Светлое утро». Табличка на стене перечисляла источники финансирования: дюжину церквей и синагог.

Пациентов видно не было, хотя с верхнего этажа доносилось шарканье шагов. Резной орнамент на обшарпанном прилавке регистратуры выдавал, что когда-то здесь было, вероятно, вполне приличное заведение вроде отеля.

Я изготовился к штурму очередной неприступной стены и тут обратил внимание, что лицо за прилавком мне, похоже, знакомо.

Может, в этот раз сложится как-то по-иному.

Юная невеличка лет двадцати с небольшим, занятая карточками. Утонченное боттичеллиевское лицо в обрамлении темных кудрей украшено большущими карими глазами. Изящные, по-детски тонкие пальчики. Вся серьезная, сосредоточенная.

Выпускной курс колледжа, где я преподавал. Пару лет назад читал там лекции по детской психологии, а она задавала вопросы, причем по существу. Усердно записывала. Джудит… фамилии не помню.

Наше приближение отвлекло ее от работы (кажется, составление графика питания).

– Доктор Делавэр? – сразу узнала она меня.

Я успел разглядеть ее бэйджик: «Дж. Марс».

– Джудит? Привет. Какая встреча. Ты здесь на стажировке?

– Да нет, просто подрабатываю. Ипотека и всякое такое… Да еще и диссертацию пишу.

– Молодчина. И как продвигается?

– Да так, движется помаленьку. – Она с улыбкой пожала плечами.

В эту секунду ее взгляд упал на Майло.

– Это лейтенант Стёрджис, из лос-анджелесской полиции. Майло, а это Джудит Марс.

– Здравствуйте, лейтенант. Кто-то из наших что-нибудь учудил?

– Да нет, всё в порядке, – успокоил ее я. – Мы пытаемся найти женщину по имени Зельда Чейз. Этот адрес она указала как свое место пребывания.

– Вот как? Похоже, что эта информация слегка устарела, доктор Делавэр. По программе, полтора года назад у нас ввели разделение по полам, и женщины теперь размещаются в Санта-Монике.

– Дистанцирование мужчин от женщин. – Майло понимающе кивнул.

– Я тогда еще не работала, – пояснила Джудит, – но, насколько могу судить, совместное проживание здесь провоцировало вполне понятные проблемы.

– А у вас остались записи с времен до разделения?

– Боюсь, что нет, лейтенант. Все, что относится к женщинам, перешло туда вместе с ними.

В то время как она выписывала нам адрес и телефон приюта в Санта-Монике, с лестницы, держась за перила, начал валко, чуть не падая, спускаться какой-то доходяга. Изможденный, с загнанными, уставленными в никуда глазами. Дряблые губы шевелились, но не произносили ни звука. На вид ему было лет сорок, а может, и все сто. Не обращая на нас внимания, он прошел мимо и пошаркал куда-то вправо.

Джудит Марс подала мне листок с информацией и вздохнула:

– По крайней мере, они получают здесь необходимый уход.

– А какой здесь, интересно, контингент пациентов? – поинтересовался я.

– На лечение у нас нет полномочий, поэтому они не пациенты, а скорее жильцы. Но у всех серьезные умственные заболевания – не врачебный диагноз, а просто наблюдение, констатация. Отчасти это то, чем я здесь занимаюсь, хотя технической данную работу назвать сложно.

– Вы определяете их на вид, – сказал Майло.

– В основном да. – Джудит кивнула. – Цель – обеспечить теплое, по возможности безопасное место тихим невротикам, а также кухню со сносным питанием.

Я поинтересовался:

– Кто-то из них приобретает медикаменты где-нибудь в других местах?

– В идеале, они получают и лекарства, и медпомощь в различных амбулаторных клиниках. Когда у нас есть свободные водители, они их туда отвозят, хотя здесь в пешей досягаемости есть и несколько амбулаторий.

– Послушание пациентов – не вопрос?

– Вопрос, да еще какой. Стараемся быть обходительными, но, сами понимаете, без борьбы ничего не обходится. В целом не давим: этот принцип у нас основополагающий.

– Фондирование у вас частное?

– На сто процентов, – ответила Джудит. – Религиозные организации проявляют себя с наилучшей стороны. Если б не они, ничего не было бы. Одно время тёк мелкий ручеек из госдотаций, но он пересох. «Непростые времена», – песня, которую я от чинуш слышала множество раз.

«Чем меньше вам, тем больше перепадает Кристин Дойл-Маслоу».

– А с ненасилием здесь всё в порядке? – осведомился Майло.

– В целом да.

– Что значит «в целом»?

– Лично у меня проблем не возникало ни разу. Ребята здесь изначально проходят проверку на неагрессивность, а многие из них обо мне пекутся. Или им кажется, что они меня оберегают.

– Даже так?

– По большей части они очень нежны, лейтенант. Для меня это работа по совместительству, и до темноты я здесь не задерживаюсь: в пять за мной приезжает муж. У него в Голливуде работа, так что все удачно срастается.

– Скажите еще, что он вышибала и габаритами может потягаться со мной, – ухмыльнулся Майло.

Джудит рассмеялась.

– Представьте себе, может. Он юрист в «Кэпитол рекордз». И сложения, надо сказать, не мелкого.

Я пожелал ей удачи, и мы тронулись к выходу.

– Вы спрашивали насчет насилия, – сказала вслед Джудит. – Та женщина, которую вы ищете: она совершила что-то криминальное?

– Нет, – ответил я. – На самом деле нас интересует даже не она, а ее сын. Дело в том, что ее нашли одну, на отшибе и в состоянии серьезного психического расстройства. А ее сына, которому сейчас одиннадцать, мы пока найти не смогли.

– В таком возрасте очутиться на улице? – Джудит нахмурилась. – Я наведу справки. Может, кто-то из ребят что-нибудь вспомнит… Но, как вы можете догадываться, большинство из них с памятью дружат не очень, а ее саму из-за давности могут и подзабыть.

– Любые шаги, Джудит, даже небольшие, будут для нас неоценимой услугой.

– Одиннадцать лет… Она отказывается говорить, где он?

– Сейчас она настолько не в себе, что даже вряд ли что-нибудь знает.

– Вот черт… Но мы-то здесь хоть на что-то годны, доктор Делавэр?

* * *

Мы поехали в Санта-Монику. «Светлое утро – Вестсайд» представляло собой бывший мотель на Пико – подковообразное расположение белых домиков с синими дверями, отделенных от улицы прокаленной солнцем асфальтовой стоянкой. Некогда белая разметка времен мотеля износилась и выцвела, превратившись в шероховатую серую щетину. Соседями парковке приходились магазинчик уцененных шин и склад слесарного оборудования.

Политики открытых дверей здесь не наблюдалось; вход блокировали решетчатые электрические ворота. Майло позвонил и представился. Дверь центрального строения приоткрылась, и из нее наружу высунулась женщина; спустя пару секунд дверь снова закрылась. Прошло около минуты, прежде чем решетчатые ворота заскользили в сторону.

– Наверное, проверяла мою личность, – сказал вполголоса Майло. – Да, атмосфера здесь несколько иная.

К тому моменту как мы выбрались из машины, та самая женщина уже шагала к нам. За пятьдесят, широкоплечая, с военной выправкой и бежевым «ежиком» на голове.

– Шерри Эндовер, – коротко представилась она.

На бэйдже две ученые степени: «магистр социального обслуживания» и «магистр здравоохранения».

– Приятно познакомиться, мэм, – сказал Майло. – А это доктор Делавэр, психолог.

– Я в курсе. Джудит из Голливуда сообщила, что вы заедете навести справки о Зельде Чейз. Она что, опять попалась на чьих-то задворках?

– Она здесь уже была? – осведомился я.

– С месяц, сразу после того как мы открылись. Год с небольшим назад.

– Ее бзиком были задние дворы? – поинтересовался Майло.

– Она действительно исчезала с территории, раза три или четыре. Далеко не убредала, в основном обнаруживалась за жилыми домами южнее Пико. Особых проблем тоже не создавала – ну подумаешь, выкопает несколько корешков, которые можно снова закопать. Положит их перед собой в рядок и заснет, а кто-нибудь поутру заметит ее и вызовет полицию. В отделении Санта-Моники ее знали уже так хорошо, что сразу отвозили сюда к нам.

Справа открылась синяя дверь, и наружу показались две женщины. Одна была болезненно тучной и передвигалась с помощью двух тростей. Второй на вид было едва за двадцать, и она припадала на одну ногу. Шерри Эндовер помахала им, и они вернулись обратно в помещение.

– А где Зельда на этот раз? – спросила Шерри.

– До завтрашнего утра на ней гриф «пятьдесят один пятьдесят».

– Вот как… То есть под замком? Сотворила что-то опасное?

– Попытка незаконного проникновения, только теперь в Бель-Эйр.

– Ах, Бель-Эйр, – женщина понимающе усмехнулась. – Престижный район. На это система, само собой, реагирует по-иному. Но ничего буйного она все-таки не совершила?

– Да вроде бы нет. Завтра ее выпустят.

– И вы хотите пристроить ее сюда?

«Заметьте, не я это предложил».

– А почему бы нет, если у вас найдется место.

Шерри подумала.

– Как раз недавно освободилась пара коек, – сказала она. – По негативным причинам. Одна из наших дам угодила под машину, со смертельным исходом. Другая с неделю назад ушла и напоролась на нож в Лонг-Бич; убийство с особой жестокостью. Долгая семейная драма с жестоким бойфрендом. И что она первым делом вытворяет? Направляется прямиком в проулок, где он ошивается…

– Как они у вас выбираются, при запертых воротах? – спросил я.

– Посредством этой вот кнопки. – Шерри указала на черную точку посередине правого столба. – Мы – учреждение не закрытого типа. Каждый может выходить и приходить когда заблагорассудится. Ворота запираются только снаружи, чтобы удерживать наших постояльцев от проблем.

– В мужском заведении такого нет.

– Если б я командовала, как раз и ввела бы там такой режим. Но при нехватке финансирования руководство распорядилось *так*. Все психически тяжелобольные люди уязвимы, но быть женщиной – это еще и дополнительный фактор.

Майло сказал:

– То есть женщины уходят когда захотят, но по возвращении вынуждены набирать вас, чтобы их впустили.

– Рассчитываем на это как на сдерживающее средство от того, чтобы уйти. Хотя отдаем себе отчет, что имеем дело с не вполне разумным населением.

– Гребете вверх по течению, – сказал Майло. – Могу это понять.

– Уповаю на ваше понимание, – она повернулась ко мне, – и на ваше тоже. Зельду мы, конечно же, возьмем, если она захочет здесь быть и действительно не представляет опасности для себя и окружающих. Единственная помеха – это если к завтрашнему утру те места забронируют. В таком случае удача, увы, пролетит мимо нее.

– А если такое произойдет, вы не можете подсказать, куда мне лучше ее отвезти?

– Отвезти? Вы что, думаете сделать это лично?

– Похоже, это самый простой способ.

– Она когда-то была вашей пациенткой?

– Моей – нет. Но я консультировал ее психиатра.

– А что же он в этом всем не участвует?

– Ушел из жизни.

– Ах вон оно что… Ладно, я прослежу, чтобы для нее нашлось место. Если вы уверены, что с ее стороны не будет агрессивных действий.

– Гарантировать что-то я, понятно, не могу, но и на подобный риск пока ничего не указывает.

– Ценю вашу честность, доктор. Пойдем старым проторенным путем.

– Вы же сказали, она у вас провела целый месяц.

– Относитесь как хотите, но мы не храним клинических или личных данных.

– Кстати, а почему она вообще ушла?

– Понятия не имею. В один прекрасный день просто взяла и исчезла. Как и многие из них.

– Какие-нибудь проблемы с алкоголем или наркотиками?

– Я бы не сказала. А что, сейчас они есть у нее?

Я покачал головой.

– Есть ли за ней еще что-нибудь, кроме проникновения на территорию?

– Да вроде нет.

– В данный момент она получает какие-то медикаменты? В нескольких кварталах отсюда есть психиатричка, и если понадобится, я могу прикрепить ее туда.

– Врач, который ее принял, ввел ей сильную дозу ативана и прописал недельный курс. Сейчас она в полусонном состоянии. Не знаю, как она себя поведет, когда препарат перестанет действовать.

– История знакомая. – Шерри Эндовер вздохнула. – Ну что, Зельда, добро пожаловать обратно… Приятно познакомиться с вами обоими. Вон ту кнопочку нажмите и сразу выйдете.

– Еще один нюанс, – сказал я. – Зельдой я занимаюсь потому, что по профессии являюсь детским психологом, а ее психиатр в свое время попросил меня провести оценку ее сына. У вас нет никаких соображений, где он может быть?

Шерри Эндовер нахмурилась.

– У нее есть сын? Когда она была здесь, никакой информации на этот счет не имелось. И вообще, мы по профилю детей сюда не принимаем, так что его, наверное, поместили куда-то еще.

– При этом я никак не могу его найти.

– А вас это, извините, волнует потому, что…

– Просто хочу знать, что с ним всё в порядке.

– Не хочу быть мисс Всезнайкой, но вы пробовали обращаться в социальные службы?

Я с ходу перечислил несколько агентств, с которыми созванивался.

– Ничего к этому добавить не могу. – Она развела руками и, глубоко вздохнув, спросила: – Вы ведь не думаете, что она могла применять к нему насилие? Поскольку если да, то на повестку автоматом выносится вопрос. В виде красного восклицательного знака размером с Аляску.

– Пять лет назад она была заботливой любящей матерью, – сказал я, – которая никого пальцем не трогала. Не говоря уже о насилии. Теперь она обитает на улице, и дать ей крышу над головой будет уместнее всего. Мне просто хотелось в этом удостовериться.

– То есть пять лет назад Зельда уже была не в ладу с рассудком, но при этом хорошей мамой?

– У нее получалось работать в полную силу да еще и заботиться о том, чтобы мальчик получал хороший уход. Затем работу она потеряла, а обо всех ее передвижениях известно лишь то, что она гостила в том другом заведении, а затем какое-то время у вас.

– О ребенке она ничего не рассказывала?

– Она и сейчас о нем не заговаривает. Единственно, о чем упоминает, это об исчезновении своей матери. Эта деталь здесь не всплывала?

– Лично я ни о чем таком не слышала. Хотя, может, она делилась этим с кем-то другим из наших дам… У всех наших постоялиц, знаете ли, есть свои истории. И при этом нельзя сказать, что все они сплошь вымышленные, – а вдруг она, скажем, потому и вторгается в чужие дворы, чтобы в каком-то смысле, символически, вернуться к себе домой или еще что-нибудь в этом роде? Ого, как вам моя популярная психология? Может, мне уже пора начать вести свое ток-шоу?

Я ответил улыбкой.

– Шутить не следует, но определенный смысл в этом есть, – сказала она. – Просто я – дурёха, поступившая на эту работу из-за того, что приказало долго жить мое преподавание в Нортридже.

– Вовсе нет, – подал голос Майло.

– Что «нет»?

– Дурёхой, мэм, вы мне вовсе не кажетесь. А что вы преподавали?

– Государственное управление. Вообще я организатор, терапию не практиковала ни минуты. Во всяком случае, официально.

– И все равно вечерами отправлялись домой со знанием, что сделали за день что-то важное.

Шерри Эндовер распахнула на него глаза, а затем зарделась.

– Это наиприятнейшее, что мне от кого-нибудь доводилось слышать. Исключение составляет предложение о замужестве – и я не скажу, чем обернулось *оно*. Вы сами женаты?

Майло с улыбкой качнул головой.

– Ладно, ставлю зачет, – улыбнулась и она. – А теперь хорошие манеры предполагают, чтобы я ответила, что то же самое относится и к вам. А ведь и в самом деле относится. К вам обоим. – Рассмеялась жестковатым смехом. – Полюбуйтесь на нас, компашку святых.

* * *

Когда мы отъехали, Майло спросил:

– Зачем ты спрашивал ее о бухле и наркоте?

– Зельду дважды брали именно за пьяный дебош в общественном месте. И меня посещают мысли, не забурится ли она со всей своей неуемностью в какую-нибудь пивнуху.

– Или на чей-нибудь задний двор.

– И это тоже.

– Я бы над этим не парился. Как я уже сказал, правоприменение – форма политики, и людей вроде нее не просят дыхнуть в трубочку, а сразу хвать за шкварник и в обезьянник. Копам, что ее вязали, нужно было лишь обвинение, которое можно на нее навесить, вот они и назвали ее пьяной.

– Значит, по барам мне ошиваться смысла нет?

– Тема отдельной беседы. – Майло рассмеялся. – Какие еще будут предложения, мой собрат по компашке святош?

Глава 10

Уже по возвращении в участок мы сошлись во мнении, что сделать остается не так-то много.

Майло свяжется с Центральным отделом и попробует выяснить, есть ли там что-нибудь насчет Зельды и Овидия; ну а я двинусь «гламурным маршрутом» в попытке выйти на кого-нибудь из прямо или косвенно связанных с «Субурбией».

После этого останется только отступиться.

Майло говорил начистоту; я слегка кривил душой.

Через считаные минуты после того, как он меня высадил, я принялся составлять список из калифорнийских школ-интернатов, принимающих детей дошкольного возраста. Список получился ничего себе: тридцать девять учреждений с образовательными функциями, начиная от вундеркиндов до детей с «особыми потребностями» (читай, неспособных к обучению) и (или) испытывающих проблемы с весом.

Последних я откинул, что сократило перечень на пятнадцать пунктов.

Почти каждая из школ располагалась там, где земля обильна и живописна. Опубликованные цены за обучение вполне могли потягаться с Лигой плюща[17]. Быть может, Зельда до своего срыва сумела создать некий образовательный фонд и даже наняла для защиты сыновнего благосостояния попечителя?

Или…

Я взялся за работу, прокручивая от администратора к администратору одну и ту же пластинку: дескать, я дядя Овидия Чейза, а его мать только что госпитализирована в связи с острым заболеванием («Овидий знает, каким»), и мне необходимо поговорить с ее сыном. Реакция была неизменно сочувственной, но затем, когда поднимались записи, а имени Овидия не высвечивалось, растерянность сменялась подозрением, и я сразу вешал трубку, благо мой домашний номер пробить было нельзя.

Два с лишним часа полной безнадеги. Я набрал Кевина Брахта и спросил, как там Зельда.

– Да все так же, док. Были бы изменения, я б вам позвонил. Можно было зайти и попробовать заговорить с ней, но уж пусть лучше пациент спит, пока спится.

– Согласен. К завтрашнему утру я подъеду забрать ее в другое место, которое я подыскал. Что-нибудь еще из того, о чем мне следует знать?

– Да так, ничего. Просто жутковато торчать здесь одному ночами. Цапля со своей секретаршей в четыре сматывают удочки, и здание запирается на замок. Ключ у меня есть, но ощущение такое, будто я здесь и есть «пятьдесят один пятьдесят». Поэтому прошу вас, док, выручайте.

– Выручим, – подбодрил его я. – Ну а пока вкусного тебе ужина.

– С этим проблем нет, – сказал Брахт. – Нашел тут в списке несколько ресторанов с едой навынос. Так что будут мне нынче стейк и лобстер, заботами федерального правительства.

– Приятного аппетита.

– Есть вещи и поприятней.

* * *

Эпизоды «Субурбии» были раскиданы по всему Интернету. Один из них я как раз собирался посмотреть, когда в кабинет вошла Робин и ласково взъерошила мне волосы.

---

[17] Лига плюща – ассоциация восьми престижнейших частных американских университетов.

– Могу я тебя немного отвлечь, на ужин?

Я глянул на настольные часы: начало девятого.

– А куда мы идем?

– Десяток метров от дома. Я пожарила курочку на гриле.

– Вот это да! Спасибо. А чего ты меня не позвала? Я бы с удовольствием помог.

Робин улыбнулась.

– Я заглядывала к тебе с час назад, но увидела эдакого одержимого творца.

Честно признаться, я ее не видел и не слышал.

– Уместней сказать не «творца», а «ловца».

– Ловца чего?

– Прогресса.

Фраза больше из лексикона Майло, но у Робин хватило такта на это не указывать. Я встал, привлек ее к себе и поцеловал. Наконец, отстранившись, она, неровно дыша, со смехом произнесла:

– Оценка, конечно, приятная, но может, тебе лучше приберечь ее для курочки?

* * *

Ужин был отменным, за что я с демонстративным усердием убрал посуду и зарядил ее в посудомойку, а затем приготовил нам по «Сайдкару»[18].

– Давай выпьем возле пруда, красавчик мой. Вечер такой дивный…

Все еще пытается сгладить во мне остроту. Вероятно, подаст перед сном идею насчет расслабляющей ванны. Единственный человек, который настолько обо мне заботится. В ее коктейль я добавил больше сока, а в свой плеснул чуть побольше коньяку.

Мы пристроились возле прудика, потягивая коктейли и наблюдая, как по воде нежно расплываются создаваемые рыбами круги.

Я держал Робин за руку, говорил правильные слова, делал правильную мимику.

По возвращении в дом она сказала:

– А ведь я еще не принимала ванну…

* * *

Назавтра в восемь утра я поймал Майло на дому и попросил, чтобы он добыл мне детали задержания Зельды в Бель-Эйр.

– Зачем тебе?

– Да вот, как-то въелись вопросы Шерри Эндовер о насилии… Хотелось бы чувствовать под собой твердую почву.

Через час он перезвонил мне.

– Хозяйка дома услышала у себя на заднем дворе шум. Пошла посмотреть и обнаружила там в углу Зельду Чейз. Та сидела на корточках, а затем встала, начала размахивать руками и вопить «как ненормальная». Это разбудило мужа женщины, и он скрутил Зельду, которая пыталась вырваться, в то время как его жена вызывала «девять-один-один». Это что-то меняет?

– Могло быть и хуже, – ответил я, – хотя в сравнении с ее предыдущими арестами это шаг в плохом направлении.

[18] «Сайдкар» – коктейль из коньяка, апельсинового ликера и лимонного сока.

– Кстати, насчет предыдущих: в Центральном ее никто не помнит, и нет никаких сведений о том, чтобы при ней был ребенок. А вот насчет отсутствия проб на алкоголь я ошибался. Во второй раз у нее брали кровь, и результат показывает отметку «два и один».

– Средняя степень опьянения.

– И не только. Она, кроме того, была на «позитиве» по героину и метамфетамину. Судя по отсутствию следов от иглы, нюхала их. Для умственного состояния комбинация скверная.

– Я позвоню Шерри и все ей расскажу. Если она откажется от Зельды, придется подыскивать ей какое-нибудь другое место.

– Не слишком ли ты сильно о ней печешься, Алекс? Может, дело здесь не столько в ребенке, сколько в ней самой?

– Да нет, больше в ребенке, – сказал я. – Но и в ней тоже. Как можно было из той, кем она была, превратиться в то, что она представляет собой сейчас? Вид у нее был шикарный, а теперь Зельда выглядит как старуха.

– Вот что делает из людей улица.

– И что мне теперь, выйти из боя? – спросил я.

– Может. Если ты выяснишь, что с мальчишкой всё в порядке, то оно не так уж плохо.

– Пока получается не очень.

Я рассказал ему о своем обзвоне интернатов.

– Я догадывался, что ты поступишь примерно так, – сказал Майло, – но это не мое дело. Просто учти, что ты проводил поиски в Золотом штате, а ведь есть еще сорок девять остальных. Не говоря уже о заморских странах типа Швейцарии – знаешь, сколько у них там изысканных *écoles*[19]? Или взять Англию со всеми ее древнезамшелыми грудами кирпича, где учеников для науки хлещут по задам розгами, а потом из них вырастают всякие сэры и пэры с мазохистскими наклонностями.

– Понимаю, звучит нелепо, – сказал я со смехом. – Но ребенку понадобился бы трастовый фонд.

– Это ты *говоришь*, что нелепо. А *думаешь*, что Зельда, перед тем как слететь с катушек, обеспечила свое чадо финансово. Всегда можно пофантазировать.

– Я не делал бы на это упор.

– Ну вот. Мое мнение что-то изменит? Короче, удачи.

* * *

В Википедии «Субурбия» подавалась как «пошловатое шоу для средних умов, с вкраплениями скабрезного юмора». Посредственные рейтинги в течение первого сезона не помешали, впрочем, отснять продолжение, потому как в Сети был спрос на «острую комедию, направленную на привлечение более молодой аудитории». Зрительская аудитория немного расширилась с началом второго сезона, но начала сужаться в его конце. Отмена случилась без предупреждения со стороны Сети.

Сюжет разворачивался в квартире анонимного городишки на Среднем Западе. Сама квартира являла собой мезальянс из разношерстной компании: сварливого вдовца по имени Гораций и двух его чад – борзого недоросля по имени (как бы вы думали?) Хорнер и не по годам заумной семнадцатилетней отвязи по имени (ни больше ни меньше) Вирджиния. Колорит дополняли домашние питомцы, о которых рассказывал Лу Шерман: апатичный бассет-хаунд, вещающий за кадром голосом мудрости, и золотая рыбка, обожающая всплывать в аквариуме вверх брюхом («вы меня так достали, что я тут у вас сдохла»). Дополнительный шарм вносили соседи: нигерийская парочка Марвис и Булски, всегда в чопорных костюмах и толкующая обо

[19] Школ (*фр.*).

всех и вся на свой лад, а также карикатурный пожарный-гей Чэд-Майкл-Энтони, сон которого постоянно разбивался ночным сигналом тревоги. У себя в доме Чэд установил флагшток, чтобы «практиковать ножной замок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.